

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

2024, Том 3, № 3

Подписано к публикации: 28.09.2024

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) – доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2024

Содержание

Быданцева А.Н. Особенности преподавания английского языка студентам юридического профиля	4-10
Линь Цзыюй О семантической эволюции и культурном значении китайских иероглифов «蹊» (xī), «径» (jìng), «途» (tú), «路» (lù), «街» (jiē) и «巷» (xiàng)	11-14
Исаева Л.Ф. Отображение центра концепта <i>женская верность</i> в немецких и русских художественных текстах XX века	15-19
Кадхим Хайдер Гхалиб Ключевые характеристики и методология применения новых медиа в эпоху цифровых технологий	20-25
Левенкова А.Ю. Возможности и перспективы лингвистического моделирования терминосистемы научной дипломатии	26-31
Гаспарян Л.А. Техника «потока сознания»: Перевод пунктуации	32-37
Намазова Лала Али гызы Теория архетипов в литературе: мифологическое понимание сознания	38-45
Багдасарова Г.А. Художественная специфика репрезентации идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»	46-50
Меркулов Г.В., Семенова Е.А. Обзор ранней румынской литературы (XVI в.)	51-56
Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Черты поэтики Ли Цзиньфа (на примере стихотворения «Песня ночи»)	57-61

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 37.011.33:81

Особенности преподавания английского языка студентам юридического профиля

¹ *Быданцева А.Н.,*

¹ *Казанский филиал Российского государственного университета правосудия*

Аннотация: этот литературный обзор освещает наиболее важные моменты преподавания английского языка для студентов юридических факультетов. Целью исследования является анализ и систематизация научных публикаций и статей о методах, которые помогают повысить мотивацию студентов к изучению английского языка. *Материалы и методы.* Были рассмотрены научные исследования из баз данных Mendeley и КиберЛенинка, посвященные особенностям преподавания английского языка студентам-юристам. *Результаты.* Обзор литературы выявил множество аспектов за последние шесть лет и предложил студентам эффективные методы преподавания английского языка. Основными задачами в области профессионального преподавания иностранных языков являются использование современных методов обучения, погружение в правовую культуру и изучение специализированной юридической лексики. *Выводы.* Изучение научной литературы и анализ современных исследований показали, что одним из важнейших методов обучения студентов юридических специальностей является последовательное проведение педагогической деятельности и использование интерактивных образовательных технологий.

Ключевые слова: мотивация, профессиональная коммуникация, иностранный язык, юрист, обучение, юридический профиль

Для цитирования: Быданцева А.Н. Особенности преподавания английского языка студентам юридического профиля // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 4 – 10.

Поступила в редакцию: 3 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Features of teaching English to law students

¹ *Bydantseva A.N.,*

¹ *Kazan Branch of the Russian State University of Justice*

Abstract: this literature review examines the most important aspects of teaching English to law students. *The purpose* of the study is to analyze and systematize scientific papers and articles that consider methods that help increase motivation. *Materials and methods.* Scientific research from the Mendeley and Cyberlenink databases on the peculiarities of teaching English by law students was analyzed. *Results.* An analysis of the literature over the past 6 years has revealed various aspects and suggested effective methods of teaching students English. The main tasks in the field of professional teaching of foreign languages are the use of modern teaching methods, immersion in legal culture and the study of specialized legal vocabulary. *Conclusions.* The study of scientific literature and the analysis of modern research have shown that one of the most important methods of teaching law students is the consistent conduct of pedagogical activities and the use of interactive educational technologies.

Keywords: motivation, professional communication, foreign language, lawyer, training, legal profile

For citation: Bydantseva A.N. Features of teaching English to law students. Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 4 – 10.

The article was submitted: June 3, 2024; Approved after reviewing: August 1, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

На сегодняшний день в современных условиях межкультурной коммуникации и социально-политических изменений необходима подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих английским языком. Современный специалист становится конкурентоспособным не только благодаря своим профессиональным знаниям, но и благодаря развитию гуманитарной культуры, творчества и владению иностранными языками. В условиях глобализации владение международным английским языком становится решающим фактором профессиональной деятельности всех специалистов, в том числе юристов. Сейчас коммуникационные возможности с зарубежными партнёрами через деловые связи, спутниковое ТВ и Интернет существенно возросли, что вызвало рост потребности в специалистах, владеющих не только общим иностранным языком, но и юридической лексикой [4].

Основная задача изучения иностранного языка – выучить большое количество технических терминов, улучшить навыки перевода юридических документов и развить способность эффективно использовать специализированную лексику для перевода учебных материалов, которые пригодятся в будущей карьере. Однако сложность изучения профессиональной лексики заключается в том, что студенты должны запоминать большое количество терминов и технических выражений, работать с различными текстами и в короткие сроки изучать правила грамматики и основы правовых систем. Без этих базовых знаний невозможно достичь полного понимания материалов [15].

Важно подчеркнуть, что научный прогресс и развитие информационных технологий активно способствуют развитию общественных отношений внутри государства и на международной арене. Следовательно, отношения с общественностью требуют надлежащего правового регулирования. В результате этого юристы все чаще сталкиваются с необходимостью общаться на иностранных языках. Сопровождение сделок с иностранными партнерами, ведение сделок с недвижимостью, привлечение иностранной рабочей силы и предоставление медицинских и образовательных услуг гражданам других стран – это лишь некоторые примеры задач, требующих привлечения юристов, знающих законодательство в определенных областях права. Юристы должны уметь разъяснять правовые нормы всем участникам правоотношений, в том числе тем, кто не говорит по-русски. Перечисленные проблемы обусловили **актуаль-**

ность и необходимость научных исследований в данной области.

Таким образом, **целью** исследования является анализ методов преподавания английского языка студентам юридического профиля и изучение путей, направленных на повышение их мотивации.

Материалы и методы исследований

Научные статьи, отвечающие критериям поиска, по ключевым словам, «мотивация», «профессиональная коммуникация», «иностранному языку», «юрист» и «обучение», были проверены в базах данных Mendeley и КиберЛенинка.

Анализ включал изучение систематических обзоров и поиск публикаций об особенностях преподавания английского языка студентам-юристам, опубликованных в период с 2018 по 2024 год.

Результаты и обсуждения

В ходе исследования были рассмотрены работы различных авторов, посвященные методике обучения студентов английскому языку. Каждый из исследователей внес свой вклад в изучение проблемы, сосредоточив внимание на аспектах образовательного процесса.

Одной из важных работ, которая считается классической в этой области, является статья автора О.В. Викулина. В данной статье рассматривается проведение предварительных опросов среди студентов юридических факультетов для оценки мотивации первокурсников к изучению иностранного языка для профессионального общения. Автор уверен, что такие анкеты могут повысить мотивацию студентов к учебе [6].

Интересный вклад в изучение данной темы вносит исследование Ю.Н. Храмова и Р.Д. Хайруллина. В данной статье особое внимание уделяется роли мотивации в изучении профессионального языка, а также организации учебного процесса, который наилучшим образом соответствует потребностям студентов в их будущей карьере. Авторы подчеркивают важность владения юридической терминологией и предлагают широкий спектр методик, позволяющих достичь этой цели и развить межкультурную компетентность, необходимую для подготовки современного специалиста [20].

Обучение студентов-юристов должно включать чтение подлинных текстов, соответствующих их предметной области, и овладение предметной терминологией. Также автором Я. В. Шинкаренко, подчеркивается важность объяснения учащимся основных различий между правовыми системами разных государств [21].

Обсуждается вопрос преподавания английского языка с учетом профессиональной специфики в

статье А.В. Дворцевой, а также цели обучения и методических подходов к преподаванию английского языка для студентов юридических факультетов. Подчеркивается важность развития коммуникативных навыков, необходимых для вашей успешной профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется методике изучения иностранных языков с упором на развитие коммуникативных навыков [9].

О.Ю. Дигтяр обратил внимание на изучение методов обучения студентов юридическому английскому языку с упором на критическое мышление и проблемное обучение. Автор отмечает, что юридический английский требует специальных знаний и навыков, поэтому интегрированный метод обучения может быть полезным инструментом для подготовки студентов, учитывая важность критического мышления и проблемного подхода [10].

Автором Е.Н. Романова рассматриваются во внимание факторы, которые помогают мотивировать студентов изучать английский язык в профессиональных целях. Целями исследования являются обоснование важности языкового образования для юристов, выявление факторов, повышающих интерес студентов к изучению английского языка, и анализ методических подходов к обучению [16].

Статья Г.З. Садыкова рассматривает, как цифровые технологии используются в процессе изучения права студентами юридических факультетов. Использование цифровых технологий для организации взаимодействия учащихся при изучении иностранных языков повышает мотивацию к изучению профессионально ориентированного английского языка, развивает коммуникативные навыки, творческий потенциал личности, способствует созданию благоприятной эмоциональной среды [17].

Автором Н.Г. Лаврентьева было отмечено, что введение новых федеральных государственных образовательных стандартов в процесс обучения иностранному языку обострило проблему оценки степени коммуникативной компетентности на иностранном языке. Разработаны методики и инструменты оценки коммуникативных навыков студентов, учитывающие специфику юридического дискурса и требования работодателей, ищущих юристов с профессиональным знанием иностранных языков [13].

В статье Н.И. Башмакова рассматривается вопрос выбора юридической терминологии с целью подготовки будущих специалистов судебной си-

стемы к овладению английским языком, используемым в юриспруденции. В статье основное внимание уделяется требованиям образовательных программ, направленных на подготовку специалистов для судебной системы, с учетом выбора юридической терминологии при обучении английскому языку [2].

В данной научной статье Н.А. Антонова анализируются конкретные методы преподавания английского языка для студентов юридических факультетов. Особое внимание было уделено одному аспекту подготовки – был проведен подробный анализ бизнес-английского языка, используемого в области юриспруденции [1].

Автором И.Б. Ушаковой, представлены размышления, основанные на сравнении различных групп юридических терминов на английском и русском языках. Хотя рассмотренные термины не сложны с точки зрения перевода, они интересны для анализа с лингвистической точки зрения, которая учитывает, что язык отражает характер, мировоззрение и историю народа [19].

В.В. Костоварова исследует относительно новое языковое явление в области профессионального общения, получившее название простой английский. Основная задача статьи - определить языковые особенности профессионального юридического общения, применяемого в условиях использования упрощенного английского языка. В статье также анализируются основные лексические и грамматические сложности, а также методы упрощения юридических текстов и объясняются причины этих изменений [12].

Автором Т.Ф. Ганеевым в статье подчеркивается важность иностранных языков, особенно английского, при обучении в юридических факультетах. Кроме того, рассматриваются возможные перспективы развития студентов-юристов, в учебных заведениях, в которых обучение ведется на английском языке [8].

И наконец автором Г.Ф. Исмагилова в статье рассматривается важность английского языка в контексте современной юридической практики. Описываются конкретные проблемы и тонкости изучения языка, которые особенно важны для юристов. Также анализируются различия между юридическим английским и обычным разговорным языком [11].

Дальнейшие исследования авторов по способам изучения английского языка представлены на рисунке (рис. 1).

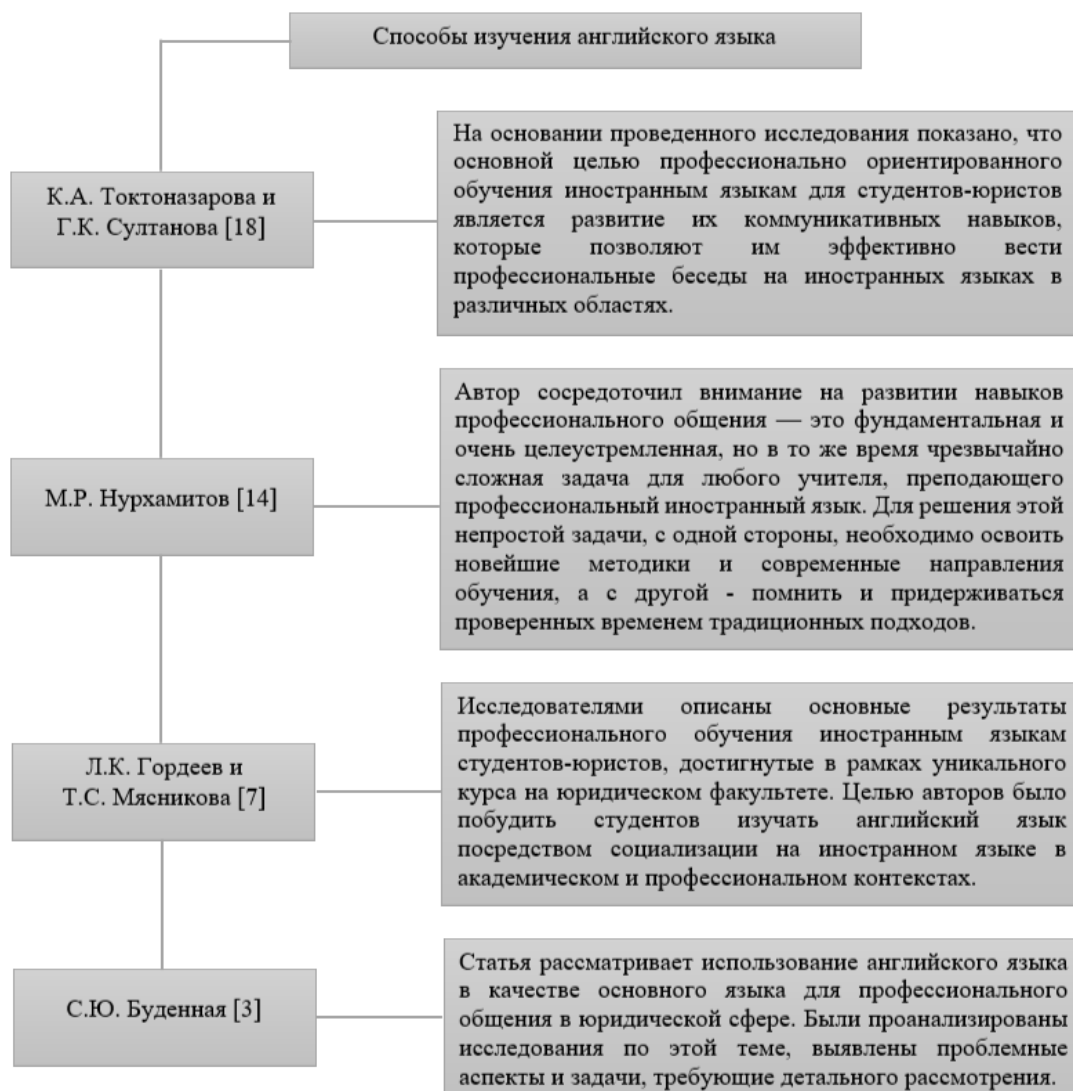

Рис. 1. Способы изучения английского языка.

Fig. 1. Methods of learning English.

В целом, анализ проведенных исследований показывает, что владение английским языком играет значительную роль в профессии юриста. В наше время иностранный язык стал неотъемлемой частью всей системы образования. Таким образом, владение языком помогает получить важные знания, которые пригодятся на протяжении всей жизни и открывает возможности для достижения поставленных целей. Без владения иностранным языком работать в юридической сфере становится сложнее, карьерные перспективы закрываются, а

возможность вести бизнес за границей теряется [5].

Следовательно, на основе проведенного исследования были разработаны методы, по повышению мотивации студентов юристов в изучении английского языка. Использование комплексного подхода в юридическом английском языке помогает студентам улучшить навыки анализа и интерпретации специализированных текстов, а также развить мышление и способность принимать обоснованные решения в соответствии с предложениями (рис. 2).

Рис. 2. Повышение мотивации студентов юристов в изучении английского языка.
Fig. 2. Increasing the motivation of law students in learning English.

Как показано на рисунке, методы обучения иностранным языкам направлены на развитие у студентов-юристов коммуникативных навыков, необходимых для профессионального общения на иностранном языке в различных ситуациях. Следует подчеркнуть, что внутренняя мотивация учащихся, их психологическая готовность, стремление к упорному труду и постоянному развитию, а также сохранение знания иностранного языка являются важным и определяющим аспектом.

Выводы

На основе проведенного литературного обзора и анализа существующих исследований можно сделать вывод, что развитие профессиональных коммуникативных способностей основная, целенаправленная, но очень нелегкая задача, стоящая перед любым преподавателем, который обучает

профессионально-ориентированному иностранному языку. Для развития личностных качеств, способствующих готовности обучаемых к выполнению будущей профессиональной деятельности, должен быть организован соответствующий учебно-воспитательный процесс, отвечающий требованиям развития педагогической науки.

Выявленные в исследовании меры по повышению мотивации обучающихся включают в себя профессиональную и общезыковую подготовку, чтение английской литературы, усвоение лексики, погружение в правовую культуру, а также применение новых методов обучения студентов. Таким образом, мотивация студентов в юридической сфере повышает успеваемость, усвоение материалов и возможность совершенствования в сфере занятости и последующего карьерного роста.

Список источников

1. Антонова Н.А., Хайруллина М.З. Специфика преподавания английского языка студентам юридического факультета как способа их профессиональной подготовки // E-Scio. 2021. № 2(53). С. 240 – 244.
2. Башмакова Н.И. Языковой правовой дискурс: принципы отбора юридической терминологии // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2019 года. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 217 – 221.

3. Буденная С.Ю. К проблеме использования английского языка как Lingua Franca профессионального общения юристов в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 4 (833). С. 29 – 40.
4. Быданцева А.Н. Принципы отбора и применения мультимедийных технологий в процессе формирования языковой компетенции на занятиях по английскому языку в колледже // Казанский лингвистический журнал. 2022. Т. 5. № 1. С. 103 – 112.
5. Быданцева А.Н. Иностраный язык как средство формирования компетенции социального взаимодействия у будущих специалистов права и организации социального обеспечения // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2022. Т. 18. С. 249 – 255.
6. Викулина О.В. Предварительное анкетирование студентов юридических факультетов как средство повышения мотивации к изучению иностранного языка // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2018. Т. 15. № 5. С. 5 – 11.
7. Гордеев Л.К., Мясникова Т.С. Моделирование иноязычного пространства в авторском курсе "Иностраный (английский) язык в сфере юриспруденции для профессиональных целей" // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 144 – 150.
8. Ганеев Т.Ф., Антонова Н.А. Значение английского языка в процессе его изучения на юридических факультетах // Colloquium-Journal. 2020. № 28-2 (80). С. 21 – 22.
9. Дворцевая А.В. Профессиональный английский язык для студентов юридических специальностей // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2018. № 1 (4). С. 232 – 240.
10. Дигтяр О.Ю. Особенности обучения студентов юридическому английскому с учетом критического мышления и проблемного обучения // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 172 – 174.
11. Исмагилова Г.Ф., Антонова Н.А. Анализ значения и роли английского языка характерного для юридических профессий // E-Scio. 2021. № 2 (53). С. 316 – 321.
12. Костюкова В.В. Простой английский в юридической коммуникации: история становления и особенности // Сервис plus. 2023. Т. 17. № 2. С. 48 – 57.
13. Лаврентьева Н.Г. Методы и средства контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетенции при обучении студентов юридического профиля в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. С. 30.
14. Нурхамитов М.Р., Шакирзянова Р.М. Особенности профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов юридического факультета // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Т. 2, № 5 (8). С. 117 – 119.
15. Рафикова Э. М. Обучение профессионально ориентированной лексике студентов юридического профиля // Евразийский союз ученых. 2019. № 11-3 (68). С. 38 – 39.
16. Романова Е.Н. Повышение мотивации студентов-юристов к изучению английского языка для профессиональных целей // Глобальный научный потенциал. 2024. № 2 (155). С. 66 – 69.
17. Садыкова Г.З. Использование цифровых технологий в курсе "Английский язык в сфере юриспруденции" // Вестник ТИСБИ. 2021. № 1. С. 123 – 129.
18. Токтоназарова К.А., Султанова Г.К. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 2. С. 163 – 167.
19. Ушакова И.Б. Заметки о некоторых особенностях английской и русской юридической лексики с точки зрения лингвокультурологии // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. № 1 (111). С. 143 – 149.
20. Храмова Ю.Н., Хайруллин Р.Д. Английский язык как одно из условий профессиональной подготовки студентов юристов в современном мире // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 300 – 304.
21. Шинкаренко Я. В. Особенности преподавания английского языка студентам-юристам // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. 2019. № 1 (6). С. 254 – 261.

References

1. Antonova N.A., Khairullina M.Z. Specifics of Teaching English to Law Students as a Method of Their Professional Training. E-Scio. 2021. No. 2(53). P. 240 – 244.
2. Bashmakova N.I. Language Legal Discourse: Principles of Selecting Legal Terminology. Actual Issues of Law, Economics and Management: Collection of Articles from the XVII International Scientific and Practical Conference, Penza, February 5, 2019. Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. P. 217 – 221.

3. Budennaya S.Yu. On the Problem of Using English as a Lingua Franca of Professional Communication of Lawyers in the 21st Century. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 2019. No. 4 (833). P. 29 – 40.
4. Bydantseva A.N. Principles of selection and application of multimedia technologies in the process of formation of language competence in English classes in college. Kazan Linguistic Journal. 2022. Vol. 5. No. 1. P. 103 – 112.
5. Bydantseva A.N. Foreign language as a means of formation of competence of social interaction in future specialists of law and organization of social security. Scientific notes of the Kazan branch of the "Russian State University of Justice". 2022. Vol. 18. P. 249 – 255.
6. Vikulina O.V. Preliminary survey of law students as a means of increasing motivation to learn a foreign language. Tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects. 2018. Vol. 15. No. P. P. 5 – 11.
7. Gordeev L.K., Myasnikova T.S. Modeling of foreign language space in the author's course "Foreign (English) language in the field of jurisprudence for professional purposes". Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. No. 2 (70). P. 144 – 150.
8. Ganeev T.F., Antonova N.A. The importance of the English language in the process of its study at law faculties. Colloquium-Journal. 2020. No. 28-2 (80). P. 21 – 22.
9. Dvortsevaya A.V. Professional English for students of legal specialties. Bulletin of the Luhansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. 2018. No. 1 (4). P. 232 – 240.
10. Digtyar O.Yu. Features of teaching students legal English taking into account critical thinking and problem-based learning. The world of science, culture, education. 2023. No. 5 (102). P. 172 – 174.
11. Ismagilova G.F., Antonova N.A. Analysis of the meaning and role of the English language characteristic of legal professions. E-Scio. 2021. No. 2 (53). P. 316 – 321.
12. Kostovarova V.V. Simple English in legal communication: history of formation and features. Service plus. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 48 – 57.
13. Lavrentyeva N.G. Methods and means of monitoring the formation of foreign language communicative competence in teaching law students at a university. Modern problems of science and education. 2023. No. 6. P. 30.
14. Nurkhamitov M.R., Shakirzyanova R.M. Features of professionally-oriented teaching of a foreign language to law students. Kazan Bulletin of Young Scientists. 2018. Vol. 2, No. 5 (8). P. 117 – 119.
15. Rafikova E.M. Teaching professionally-oriented vocabulary to law students. Eurasian Union of Scientists. 2019. No. 11-3 (68). P. 38 – 39.
16. Romanova E.N. Increasing the motivation of law students to study English for professional purposes. Global scientific potential. 2024. No. 2 (155). P. 66 – 69.
17. Sadykova G.Z. Using digital technologies in the course "English in the field of jurisprudence". TISBI Bulletin. 2021. No. 1. P. 123 – 129.
18. Toktonazarova K.A., Sultanova G.K. Features of professionally oriented teaching English to law students. Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev. 2020. No. 2. P. 163 – 167.
19. Ushakova I.B. Notes on Some Features of English and Russian Legal Vocabulary from the Point of View of Linguoculturology. Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2023. No. 1 (111). P. 143 – 149.
20. Khramova Yu.N., Khairullin R.D. English as One of the Conditions for Professional Training of Law Students in the Modern World. Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. No. 75-4. P. 300 – 304.
21. Shinkarenko Ya.V. Features of Teaching English to Law Students. Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. 2019. No. 1 (6). P. 254 – 261.

Информация об авторе

Быданцева А.Н., старший преподаватель, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

© Быданцева А.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.42

О семантической эволюции и культурном значении китайских иероглифов «蹊» (xī), «径» (jìng), «途» (tú), «路» (lù), «街» (jiē) и «巷» (xiàng)

¹ Линь Цзыюй,

¹ Цзянсуский педагогический университет, Китай

Аннотация: китайские иероглифы «蹊» (xī), «径» (jìng), «途» (tú), «路» (lù), «街» (jiē) и «巷» (xiàng) не только обозначают различные типы дорог, но и служат носителями глубокой культуры и богатой истории. Эти иероглифы в древнем Китае использовались не только для описания физических характеристик дорог, но и несли богатый культурный контекст и социальное значение. Каждый из этих знаков имеет свои специфические области использования и символическое значение. Например, «蹊» (xī) часто описывает узкие тропинки, метафорически подразумевая скрытые или малоизвестные пути; «径» (jìng) указывает на кратчайший или упрощенный путь; «途» (tú) обозначает маршрут с ясным направлением; «路» (lù) символизирует более широкие дороги и большие возможности; «街» (jiē) обычно относится к основным коммерческим зонам в городе, а «巷» (xiàng) обозначает небольшие жилые кварталы [8]. Эти иероглифы не только описывают физические характеристики дорог, но и отражают уникальное понимание и классификацию дорог в древнем обществе, передавая культурные, социальные и моральные идеи [9].

Ключевые слова: китайский иероглиф, семантическая эволюция, культурное значение

Для цитирования: Линь Цзыюй О семантической эволюции и культурном значении китайских иероглифов «蹊» (xī), «径» (jìng), «途» (tú), «路» (lù), «街» (jiē) и «巷» (xiàng) // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 11 – 14.

Поступила в редакцию: 4 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

The semantic evolution and cultural significance of the Chinese characters "蹊" (xī), "径" (jìng), "途" (tú), "路" (lù), "街" (jiē) and "巷" (xiàng)

¹ Lin Ziyu,

¹ Jiangsu Normal University, China

Abstract: the Chinese characters "蹊" (xī), "径" (jìng), "途" (tú), "路" (lù), "街" (jiē), and "巷" (xiàng) not only denote various types of roads but also serve as carriers of profound culture and rich history. In ancient China, these characters were used not only to describe the physical characteristics of roads but also to convey rich cultural context and social significance. Each of these characters has specific areas of usage and symbolic meaning. For example, "蹊" often describes narrow paths, metaphorically implying hidden or little-known routes; "径" indicates a shortcut or simplified path; "途" signifies a route with a clear direction; "路" symbolizes broader roads and greater possibilities; "街" usually refers to main commercial areas in the city, while "巷" denotes smaller residential neighborhoods. These characters not only describe the physical attributes of roads but also reflect a unique understanding and classification of roads in ancient society, conveying cultural, social, and moral ideas.

Keywords: Chinese characters; semantic evolution; cultural meaning

For citation: Lin Ziyu The semantic evolution and cultural significance of the Chinese characters "蹊" (xī), "径" (jìng), "途" (tú), "路" (lù), "街" (jiē) and "巷" (xiàng). Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 11 – 14.

The article was submitted: June 4, 2024; Approved after reviewing: August 3, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Дороги и связанные с ними понятия в китайских иероглифах являются средством обозначения транспортных маршрутов, и культурными символами, несущими глубокий философский смысл. В китайской культуре дороги олицетворяют связь, доступность, исследования и выбор. Эти понятия отражают не только физические пути, но и жизненные направления, духовные и моральные принципы. Например, иероглиф «道» (dao) имеет множество значений, включая путь, метод, закон, а также мораль и этику, что ясно прослеживается в таких понятиях, как даосизм («道家»dao jia) и мораль («道德»dao de). В китайских фразеологизмах дороги часто используются метафорически, чтобы выразить идеи выбора и направления в жизни, как в случаях с «误入歧途(wu ru qi tu)» (вступить на неправильный путь) или «背道而驰(bei dao er chi)» (идти в противоположные направления). Эти выражения демонстрируют, как древние китайцы воспринимали мир и размышляли о жизни, подчеркивая многослойную семантическую структуру китайских иероглифов и их богатое культурное содержание. Многозначность иероглифов делает их не только инструментом общения, но и носителем глубоких культурных и философских идей, отражающих взаимосвязи между человеком, природой и обществом.

Материалы и методы исследований

Для анализа семантической эволюции и культурного значения китайских иероглифов были использованы литературные источники и фразеологические словари. Исследование проводилось на основе анализа классических текстов, фразеологизм и современных толковых словарей. Основное внимание уделялось изучению значений иероглифов в различных культурных и исторических контекстах.

Результаты и обсуждения

蹊 (xī) и 径 (jìng)

Иероглиф «蹊» обозначает узкую тропинку, шириной достаточную только для прохода человека. Из-за своей узости она часто формируется естественным путем без необходимости строительства [10]. Поэтому возникла поговорка «桃李不言, 下自成蹊» (tao li bu yan, xia

zi cheng xi), что означает «персики и сливы не говорят, но на тропинке к ним есть следы», символизируя то, что талантливый человек не нуждается в саморекламе [12], чтобы привлечь внимание других [6].

«径» означает немного более широкую тропу, по которой может проехать одноколенная тележка. Фразеологизм «另辟蹊径» (ling pi xi jing) образно описывает создание нового пути или метода. Узкие тропинки обычно ведут к тихим местам, как в фразеологизме «曲径通幽» (qu jing tong you), которой описывает путь, ведущий к скрытому и спокойному месту [14]. Однако не все тропинки ведут в такие места. Например, фразеологизм «大相径庭» (da xiang jing ting) олицетворяет большие различия, как если бы тропа вела к просторному двору [7].

途 (tú) и 道路 (dào lù)

Когда дорога расширяется настолько, что по ней могут проезжать телеги, она называется «途» (tú). Если дорога еще шире и по ней могут проехать две телеги параллельно, она называется «道» (dào). Поэтому используется термин «大(da: широкий, большой)道», а не «大途» [5]. «道» также означает «путь», что символизирует духовные и философские понятия. Широкая дорога позволяет транспортным средствам проезжать в противоположные направления, что дало начало фразеологизму «背道而驰» (bei dao er chi), описывающего совершенно противоположные цели или направления [13].

Исторически, Янгуань был важным проходом на пути к западным регионам, поэтому появилось выражение «阳关大道» (yang guan da dao), описывающее просторную и гладкую дорогу [16]. В дороге можно услышать новости и передать их, что дало начало фразеологизму «道听途说» (dao ting tu shuo), описывающего слухи или непроверенные сведения [15].

Когда дорога становится еще шире и по ней могут проехать три телеги, она называется «路» (lù). Пословица «路遥知马力» (lu yao zhi ma li) означает, что на просторной дороге лошадь может проявить всю свою мощь, тогда как на узкой тропе человек может проявить свою силу [11]. В древности дороги были труднопроходимыми и часто требовали обхода

гор, что и породило выражение «峰回路转» (feng hui lu zhuan) [1]. В отличие от этого, горные тропы могли пересекать горы напрямую, поэтому нет выражения «峰回径转» (feng hui jing zhuan) [2].

阡(qian) и 陌(mo)

В древних деревнях и городах дороги, проходящие с севера на юг, назывались «阡» (qian), а дороги с запада на восток - «陌» (mo). Это создавало картину «阡陌交通, 鸡犬相闻» (qian mo jiao tong, ji quan xiang wen), где улицы пересекались, и можно было услышать звуки домашней птицы и собак[3].

街(jiē) и 巷(xiàng)

Торговые улицы с магазинами назывались «街» (jiē), а улицы с жилыми домами – «巷» (xiàng). Таким образом, существует выражение «大街小巷» (da jie xiao xiang), но нет «小街大巷» (xiao jie da xiang) [4]. В современных городах есть специальные пешеходные улицы для прогулок и покупок, которые называются «步行街» (bu xing jie), но не «步行巷» (bu xing xiang). Люди часто выходят на улицу, чтобы посмотреть на праздничные или общественные мероприятия, что привело к выражению «万人空巷» (wan ren kong xiang), а не «万人空街» (wan ren kong jie).

路口(lù kǒu)

Дороги также включают различные перекрестки, такие как «歧» (qi), который используется для обозначения разветвлений дорог. Отсюда и выражение «误入歧途» (wu ru qi tu), описывающее заблуждение или неправильный путь. Четырехсторонний перекресток называется «衢» (qu), как в «通衢大道» (tong qu da dao), что означает оживленную городскую улицу. Перекресток с пятью направлениями называется «康» (kang), а с шестью – «庄» (zhuang), что породило выражение «康庄大道» (kang zhuang da dao), означающее широкую и ровную дорогу.

Выводы

Через детальное обсуждение «蹊» (xi), «径» (jing), «途» (tu), «路» (lu), «街» (jie) и «巷» (xiang) видно, что эти китайские иероглифы являются не только обозначениями дорог, но и глубоко культурными символами. Они отражают уникальные способы классификации дорог в древнем китайском обществе и воплощают богатый культурный смысл. Использование этих слов в фразеологизмах еще более углубляет их символическое значение, позволяя нам через язык ощутить изменения в истории, культуре и обществе.

Список источников

1. Васильев Л.С. История Востока. Древний восток: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт. 2000. С. 125.
2. Кондрашов Н.А. Символы и образы в культуре Китая. Москва: Наука. 2012. С. 145.
3. Федоров В.М. Китайские иероглифы: происхождение и развитие. Москва: Высшая школа. 2008. С. 172.
4. Старостин С. А. Китайский язык и китайская культура. Москва: РГГУ. 2015. С. 185.
5. 高二毛. 汉字文化研究: 道路与交通. 中国社会科学出版社. 2016. Гао Эрмао. Изучение культуры китайских иероглифов: дороги и транспорт. Пекин: Китайское издательство социальных наук. 2016. С. 102.
6. 李锐. 成语的文化背景及其翻译. 外语教学与研究出版社. 2012. Ли Жуй. Культурный контекст идиомы и ее перевод. Пекин: Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков. 2012. С. 56.
7. 刘慈欣. 中国道路的语义学研究. 北京大学出版社. 2014. Лю Цысинь. семантика китайских дорог. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2014. С. 78.
8. 沈有鼎. 汉字文化与文化汉字. 中华书局, 2004. Шэнь Юдин. Пекин: Китайские иероглифы Китайское книжное бюро. 2004. С. 45.
9. 唐兰. 古文字学导论. 中华书局. 2010. Тан Лань. Введение в палеографию. Пекин: Китайское книжное бюро. 2010. С. 73.
10. 许慎. 说文解字. 中华书局. 1963. Сюй Шэнь. Текст расшифровывается. Пекин: Китайское книжное бюро. 1963. С. 112.
11. 赵大年. 汉字的演变与社会文化. 清华大学出版社. 2016. Чжао Данянь. Эволюция китайских иероглифов и социальная культура. Пекин: Издательство Университета Цинхуа. 2016. С. 98.
12. 周有光. 汉字与中国文化. 人民出版社. 2007. Чжоу Югуан. Китайские иероглифы и китайская культура. Пекин: Народное издательство. 2007. С. 134.
13. Edward Sepul. Culture and Semantics: A Cross-Cultural Study of Road Vocabulary. New York: Oxford University Press. 2017. С. 114.

14. James Hall. The Historical Evolution of Chinese Roads. Springfield: Cambridge University Press. 2015. C. 89.
15. James Joyce. The Cultural Significance of Language: Symbols of Roads and Paths. Springfield: Cambridge University Press. 2019. C. 67.
16. Malcolm Waters. Cultural Semiotics: Symbols and Meanings. New York: Oxford University Press. 2018. C. 153.

References

1. Vasiliev L.S. History of the East. Ancient East: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House. 2000. Page 125.
2. Kondrashov N.A. Symbols and images in the culture of China. Moscow: Science. 2012. Page 145.
3. Fedorov V.M. Chinese characters: origin and development. Moscow: Higher school. 2008. Page 172 .
4. Starostin S.A. Chinese language and Chinese culture. Moscow: RSUH. 2015. Page 185.
5. Chinese literature. Chinese literature: Chinese characters. 中国社会科学出版社. 2016. Gao Ermao. Studying the culture of Chinese characters: roads and transport. Beijing: China Social Science Publishing House. 2016. P. 102.
6. 李锐. 成语的文化背景及其翻译. 外语教学与研究出版社. 2012. Li Rui. The cultural context of the idiom and its translation. Beijing: Foreign Language Teaching and Learning Press. 2012. P. 56.
7. 刘慈欣. 中国道路的语义学研究. 北京大学出版社. 2014. Liu Cixin. semantics of Chinese roads. Beijing: Peking University Press. 2014. P. 78.
8. 沈有鼎. 汉字文化与文化汉字. 中华书局 · 2004. Shen Yuding. Beijing: Chinese characters Chinese Book Bureau. 2004. P. 45.
9. 唐兰. 古文字学导论. 中华书局. 2010. Tang Lan. Introduction to Paleography. Beijing: China Book Bureau. 2010. P. 73.
10. Xu Shen. Text deciphered. Beijing: China Book Bureau. 1963. P. 112.
11. Xu Shen. Text deciphered. Beijing: China Book Bureau. 2016. Zhao Danyan. Evolution of Chinese Character Glyphs and Social Culture. Beijing: Tsinghua University Press. 2016. P. 98.
12. Zhou Youguang. Chinese Characters and Chinese Culture. Beijing: People's Publishing House. 2007. P. 134.
13. Edward Sepul. Culture and Semantics: A Cross-Cultural Study of Road Vocabulary. New York: Oxford University Press. 2017. P. 114.
14. James Hall. The Historical Evolution of Chinese Roads. Springfield: Cambridge University Press. 2015. P. 89.
15. James Joyce. The Cultural Significance of Language: Symbols of Roads and Paths. Springfield: Cambridge University Press. 2019. P. 67.
16. Malcolm Waters. Cultural Semiotics: Symbols and Meanings. New York: Oxford University Press. 2018. P. 153.

Информация об авторе

Линь Цзыюй, преподаватель, Цзянсуский педагогический университет, Китай, linziyu199201@mail.ru

© Линь Цзыюй, 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-115

Отображение центра концепта *женская верность* в немецких и русских художественных текстах XX века

¹ *Исаева Л.Ф.,*

¹ *Московский городской педагогический университет*

Аннотация: лингвистические нормы и устоявшиеся традиции не только отражают, но и формируют гендерные стереотипы, играющие важную роль в социальной жизни. Глубокий анализ литературных произведений помогает исследователям погружаться в слои культурного сознания, уделяя особое внимание гендерной самоидентификации. Исследования в области лингвокультурологии направлены на понимание и анализ культурных представлений о женственности и мужественности, а также на выявление их отражения в языке общества. Влияние пола собеседника на выбор языковых стратегий и методов общения может быть значительным в конкретных ситуациях, что подчеркивает важность этого аспекта изучения.

Исследование концепта *Женская верность* в данной научной работе подчеркивает его значимость как примера лингвокультурного концепта благодаря присущим ему характеристикам: ментальности, целостности, динамичности, неопределенности, изменчивости и условности. Это делает Женскую верность особо привлекательной для анализа. Основные лингвокультурные концепты, такие как *Женская верность*, являются базовыми для языкового сознания и часто встречаются в литературе, народном творчестве и других культурных продуктах. В рамках этих понятий формируются социальные представления и ценности. Лингвокультурные концепты могут быть разделены на первостепенные и второстепенные в зависимости от их культурной значимости. В то же время второстепенные концепты менее распространены, и их изучение менее актуально для общего понимания культурных процессов.

Концепт *Женская верность* может быть изучен не только как самостоятельное понятие, но и как часть более широкого термина – верность, что открывает возможности для сравнительного анализа различных аспектов верности, заключенных в культурных традициях и нормах. Проведение такого анализа позволяет исследователям выявить взаимосвязи между этими понятиями и их влияние на формирование мировоззрения и социальных взаимодействий.

Ключевые слова: русский язык, концепт Женская верность, понятийный компонент, художественные тексты, немецкий язык, центр концепта

Для цитирования: Исаева Л.Ф. Отображение центра концепта *женская верность* в немецких и русских художественных текстах XX века // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 15 – 19.

Поступила в редакцию: 5 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

The representation of the center of the concept of *female fidelity* in German and Russian literary texts of the XX century

¹ *Isaeva L.F.,*

¹ *Moscow City Pedagogical University*

Abstract: established traditions and linguistic norms not only mirror but shape gender stereotypes, which significantly influence social life. Through thorough analysis of literary works, researchers delve into deeper layers of cultural consciousness, focusing intensely on gender identity. The research conducted in the field of cultural and linguistic studies aims to understand and analyze culture-specific notions of femininity and masculinity, and how these ideas are embedded in the linguistic frame-

work of society. In certain specific contexts, the gender of the conversational participant can greatly affect the choice of language strategies and communication methods, highlighting the importance of studying this aspect further.

In this scientific work, we explore the concept of *Female fidelity*, a prime example of a linguistic and cultural concept. It exemplifies characteristics such as integrity, mental nature, conditionality, uncertainty, dynamism, and variability, making it particularly intriguing for research and analysis. Basic concepts, like *Female fidelity*, are essential to linguistic consciousness and frequently appear in folk art, literature, and other cultural artifacts. These concepts form the foundation of social values and norms. Linguistic and cultural concepts can be categorized based on their cultural significance into primary and secondary ones. Secondary concepts are less prevalent, rendering their study less critical for a general understanding of cultural processes.

It is crucial to note that *Female fidelity* can be viewed not only as an independent concept but also as part of the broader notion of fidelity. This broader perspective enables researchers to conduct detailed comparisons and analyses of different facets of fidelity as they manifest in cultural traditions and norms, revealing how these interconnected concepts influence the development of societal worldviews and social interactions.

Keywords: the Russian language, concept of Female fidelity, conceptual component, literary texts, the German language, concept center

For citation: Isaeva L.F. The representation of the center of the concept of *female fidelity* in German and Russian literary texts of the XX century. *Philological Bulletin*. 2024. 3 (3). P. 15 – 19.

The article was submitted: June 5, 2024; Approved after reviewing: August 6, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена тем, что учет гендерного аспекта в лингвистических исследованиях сравнительного направления является относительно новым подходом. Однако, гендерный аспект в контексте сопоставительного анализа лексико-семантической репрезентации концепта освещен недостаточно.

Данная статья направлена на исследование и разработку основных и уникальных концептуальных черт *Женской верности*, используя примеры из немецкой и русской литературы начала XX века. Для достижения этой цели следует выполнить следующие задачи:

1. Проанализировать методы исследования концепта с учетом гендерной специфики при сравнении родственных языков.
2. Определить ключевые черты концепта *Женская верность* в произведениях немецкой и русской литературы.
3. Провести сравнительный анализ, выявив уникальные аспекты проявления главных концептуальных характеристик *Женской верности* в рассматриваемых текстах.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования выступает концепт *Женская верность* в русском и немецком языках. Предметом предлагаемого исследования выступают признаки концепта *Женская верность*, отображенные в его понятийном компоненте. В исследовании применялись такие методы как: дефиниционный анализ, компонентный анализ, сопоставительный метод, а также приём количественных подсчетов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятийный компонент концепта

может быть вербально репрезентирован в виде специфических центральных признаков исследуемого концепта. Также в результате проведенного исследования было установлено отсутствие общих центральных признаков концепта *Женская верность*. Однако имеются отличительные признаки. В немецких текстах отличительными концептуальными признаками являются верность профессиональному долгу, материнская преданность к своему ребенку. В русских текстах можно выделить такие отличительные особенности, как преданная любовь к мужчине, точность в своих размышлениях и восприятиях.

Результаты и обсуждения

Гендерные стандарты проявляются в языковых формах, и лингвокультурологические изыскания стремятся выявить уникальные национальные стереотипы женственности и мужественности, но также их специфические черты. Анализ гендерной идентичности нередко основывается на текстах художественной литературы. В данной работе концепт *Женская верность* рассматривается как лингвокультурологическое понятие, обладая всеми характерными чертами этих концептов: целостностью, ментальной природой, условностью, размытостью и изменчивостью [1, 2, 3].

Лингвокультурные концепты могут быть классифицированы по разным критериям. Основные концепты широко представлены в фольклоре и литературе, здесь как второстепенные встречаются реже. Концепт *Женская верность* заслуженно входит в категорию основных концептов языкового сознания. В этом исследовании мы рассматриваем *Женскую верность* как часть макроконцепта *верность*.

Для макроконцепта верность в немецком языке главный лексемой является *die Treue*. Анализ синонимических словарей продемонстрировал, что у лексемы *die Treue* имеется большой список близких по значению слов, которые раскрывают концепт *верность* в немецком языке. Например, *die Ergebenheit, die Loyalität u die Zuverlässigkeit*.

Из этого перечня в немецких художественных текстах при изложении *Женской верности* встретились только *die Ergebenheit* и производная лексема от *die Zuverlässigkeit*, а именно *zuverlässig*. Рассмотрим примеры.

Sie sah das alles, wie sie es hundertmal in der letzten Zeit gesehen hatte, wie sie Monat für Monat, Woche für Woche ihr Kind so hatte werden sehen. Sie seufzte, stopfte die Decke noch einmal fest um den mageren Kinderkörper, mit einem Gefühl hilfloser Ergebenheit. Dann kehrte sie in die Bettwärme zurück [9].

Она видела все это, как видела сотни раз за последнее время, как месяц за месяцем, неделя за неделей она видела, как ее ребенок становится таким. Она вздохнула и снова плотно укутала худенькое детское тельце одеялом с чувством беспомощной покорности. Затем она вернулась в теплую постель. Данный пример демонстрирует, что в женском сознании верность можно интерпретировать как материнскую преданность своему ребенку.

Рассмотрим другой пример.

Die Anästhesie können Sie selbst weiter übernehmen. Müssen die Schwestern sich neu sterilisieren? Nicht nötig, sie sind zuverlässig. Haben nichts angerührt. Um so besser [10].

В дальнейшем вы можете взять на себя анестезию самостоятельно. Нужно ли сестрам заново стерилизовать себя? В этом нет необходимости, они надежны. Ничего не трогали. Тем лучше. (здесь и далее перевод Исаевой Л.Ф.)

В данном контексте верность проявляется у женщин, как преданность своему профессиональному долгу.

Перейдем к обзору следующего примера с лексемой *zuverlässig*:

Manchmal sind es auch Hilfsschwestern vom Roten Kreuz. Sie sind gutmütig, aber mitunter etwas ungeschickt. Beim Umbetten tun sie einem oft weh und sind dann so erschrocken, daß sie einem noch mehr weh tun. Die Nonnen sind zuverlässiger [11].

Иногда это также сестры помощи из Красного Креста. Они добродушны, но иногда немного неуклюжи. Часто, укладываясь спать, они причиняют вам боль, а потом так пугаются, что причиняют вам еще большую боль. Монахини надежнее.

В этом контексте также подчеркивается надежность и преданность профессиональному долгу.

Таким образом, в немецких художественных текстах первой половины XX века центральными концептуальными показателями *Женской верности* выступают преданность своему профессиональному долгу в сочетании со надежностью и материнской привязанностью к ребенку.

Рассмотрим подробное трактование центральных признаков концепта *Женская верность* в русских литературных текстах XX столетия. Важно отметить, что в русском языке главный лексемой этого концепта является лексема *верность*.

На основе словарей были определены синонимы ядерной лексемы *верность*. Определив значения этих синонимов, мы составили список лексем, близких по значению к ядерной лексеме, которые составляют центр изучаемого концепта. В анализируемых текстах для выражения концепта используются такие синонимы, как *преданность* и *точность*. Мы проанализируем примеры с использованием производных наречий *преданно* и *точно*.

Остановимся подробно на обзоре примеров использования лексемы *преданно*:

Она вышивала Андрею цветные и сборные из шелковых лоскутков кисеты, преданно ловила каждое его движенье, заискивала, потом с чудовищной силой проснувшись в ней ревность и страх потерять Андрея [7].

В данном контексте верность воспринимается женщинами, как проявление верности в любви.

Перейдем к подробному анализу примера использования лексемы *точно*, являющейся производной от синонима *точность*:

Она же ответила так, точно отлично понимала, о чем идет речь». Сознание, как иглоу, прокололо все тело: «Катя меня обманула!» Затем, припоминая все мелочи разговора, Катинь слова и движения, Даша ясно увидела: да, действительно обман. Она была потрясена. Катя изменила мужу, но, изменив, согрешив, нагав, стала точно еще очаровательнее [5].

В этом случае имеет место репрезентация центрального признака *Женской верности*, как точность в своих размышлениях и восприятиях.

В русских литературных произведениях первой половины XX столетия ключевыми характеристиками концепта *Женская верность* можно считать преданность любимому человеку, точность в своих размышлениях и восприятиях.

Предлагаем провести сравнительный анализ выделенных центральных признаков концепта *Женская верность* на материале немецких и русских художественных текстов первой половины XX столетия. Результаты этого анализа можно представить в виде сводной таблицы.

Таблица 1

Сводная таблица. Центральные признаки концепта *Женская верность* в русском и немецком языках.

Table 1

Summary table. Central features of the concept Female fidelity in Russian and German.

Центральные признаки концепта <i>Женская верность</i>	Русские тексты	Немецкие слова
верность профессиональному долгу	-	+
материнская преданность к своему ребенку	-	+
преданная любовь к мужчине	+	-
точность в своих размышлениях и восприятиях	+	-

Выводы

В результате вышеуказанного анализа мы пришли к выводу, что общих центральных концептуальных признаков *Женской верности* в сопоставляемых языках нет. В немецких текстах отличительными концептуальными признаками являются

верность профессиональному долгу, материнская преданность к своему ребенку. В русских текстах можно выделить такие отличительные особенности, как преданная любовь к мужчине, точность в своих размышлениях и восприятиях.

Список источников

1. Бирюкова Е.В., Радченко О.А., Попова Л.Г. Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков: учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2018. 173 с. ISBN 978-5-534-08014-8
2. Герасимова С.А. Антропоцентрический подход к языку // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8). С. 96 – 100.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 9 с.
4. Парфененко Е.Н., Попова Л.Г., Нифанова Т.С. Лексико-семантическая репрезентация периферии понятийного компонента концепта «помилование» в английском и русском языках // Litera. 2020. № 6. С. 124 – 131.
5. Толстой А.Н. Хождение по мукам [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/tolstoy_khozhdenie_po_mukam_1922__ocr.pdf (дата обращения: 15.05.2024)
6. Чупрына О.Г., Баранова К.М., Меркулова М.Г. Судьба как концепт в языке и культуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 3 (56). С. 120 – 125. DOI 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125
7. Шолохов М.А. Поднятая целина [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Sholohov_Podnyataya_tselina.pdf (дата обращения: 15.05.2024)
8. Deutsch Duden online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>, (дата обращения: 15.04.2024)
9. Fallada Hans. Der eiserne Gustav [Электронный ресурс]. URL: <https://litres.com/book/hans-fallada/der-eiserne-gustav-67486579/read/> (дата обращения: 15.05.2024)
10. Mann Thomas. Buddenbrooks [Электронный ресурс]. URL: <https://anylang.net/ru/books/de/buddenbroki> (дата обращения: 15.04.2024)
11. Remarque E.M. Arc de Triomphe [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/1955-erich-maria-remarque-arc-de-triomphe.html#read> (дата обращения: 15.05.2024)

References

1. Biryukova E.V., Radchenko O.A., Popova L.G. Linguistics: comparative typology of the German and Russian languages: a textbook for bachelor's and master's degrees. Moscow: Limited Liability Company "Izdatelstvo YURAYT", 2018. 173 p. ISBN 978-5-534-08014-8
2. Gerasimova S.A. Anthropocentric approach to language. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2011. No. 2 (8). P. 96 – 100.
3. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvocultural concept as an element of linguistic consciousness. Methodology of modern psycholinguistics: Collection of articles. Moscow; Barnaul: Alt. University, 2003. 9 p.
4. Parfenenko E.N., Popova L.G., Nifanova T.S. Lexical and semantic representation of the periphery of the conceptual component of the concept "pardon" in English and Russian. Litera. 2020. No. 6. P. 124 – 131.
5. Tolstoy A.N. Ordeal [Electronic resource]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/tolstoy_khozhdenie_po_mukam_1922__ocr.pdf (date accessed: 15.05.2024)

6. Chupryna O.G., Baranova K.M., Merkulova M.G. Fate as a concept in language and culture. Issues of cognitive linguistics. 2018. No. 3 (56). P. 120 – 125. DOI 10.20916/1812-3228-2018-3-120-125
7. Sholokhov M.A. Virgin Soil Upturned [Electronic resource]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Sholohov_Podnyataya_tselina.pdf (accessed: 15.05.2024)
8. Deutsch Duden online [Electronic resource]. URL: <http://www.duden.de>, (accessed: 15.04.2024)
9. Fallada Hans. Der eiserne Gustav [Electronic resource]. URL: <https://litres.com/book/hans-fallada/der-eiserne-gustav-67486579/read/> (date of access: 15.05.2024)
10. Mann Thomas. Buddenbrooks [Electronic resource]. URL: <https://anylang.net/ru/books/de/buddenbroki> (date of access: 15.04.2024)
11. Remarque E.M. Arc de Triomphe [Electronic resource]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/1955-erich-maria-remarque-arc-de-triomphe.html#read> (date of access: 15.05.2024)

Информация об авторе

Исаева Л.Ф., аспирант, Московский городской педагогический университет, isaley22@yandex.ru

© Исаева Л.Ф., 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 004.738.5

Ключевые характеристики и методология применения новых медиа в эпоху цифровых технологий

¹ *Кадхим Хайдер Гхалиб,*

¹ *Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые характеристики и методология применения новых медиа в эпоху цифровых технологий. Особое внимание уделяется анализу специфических свойств и возможностей, которые представляют новые медиа в современном цифровом пространстве. Авторы исследуют влияние новых медиа на различные сферы жизни общества, такие как коммуникация, образование, бизнес, культура и др. В работе предлагается методологический подход к эффективному использованию новых медиа, основанный на принципах интерактивности, мультимедийности и конвергенции. Также обсуждаются возможные риски и вызовы, связанные с применением новых медиа, и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: новые медиа, цифровые технологии, интерактивность, мультимедийность, конвергенция, методология применения, цифровое пространство, коммуникация, образование, бизнес, культура, риски, вызовы

Для цитирования: Кадхим Хайдер Гхалиб Ключевые характеристики и методология применения новых медиа в эпоху цифровых технологий // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 20 – 25.

Поступила в редакцию: 7 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Key characteristics and methodology of new media application in the digital technology era

¹ *Kadhim Hayder Ghalib,*

¹ *Kazan (Volga Region) Federal University*

Abstract: the article examines the key characteristics and methodology of applying new media in the digital technology era. Particular attention is paid to analyzing the specific properties and opportunities provided by new media in the modern digital space. The authors explore the impact of new media on various spheres of society, such as communication, education, business, culture, and others. The paper proposes a methodological approach to the effective use of new media based on the principles of interactivity, multimedia, and convergence. It also discusses potential risks and challenges associated with the application of new media and offers ways to overcome them.

Keywords: new media, digital technologies, interactivity, multimedia, convergence, application methodology, digital space, communication, education, business, culture, risks, challenges

For citation: Kadhim Hayder Ghalib Key characteristics and methodology of new media application in the digital technology era. Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 20 – 25.

The article was submitted: June 7, 2024; Approved after reviewing: August 9, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Новые медиа термин, используемый для описания современных форм коммуникации и передачи информации, возникших в результате развития технологий и цифровой революции [1].

Одной из главных особенностей новых медиа является их интерактивный характер. В отличие от традиционных средств массовой информации, где контент передается в одностороннем порядке, новые медиа позволяют пользователям взаимодействовать с содержанием, оставлять комментарии, делиться материалами и даже создавать собственный контент. Благодаря возможностям цифровых технологий, новые медиа позволяют персонализировать контент и опыт пользователя.

Алгоритмы рекомендаций, настройки профилей и возможность выбора интересующих тем позволяют создавать индивидуальную ленту контента, соответствующую предпочтениям каждого пользователя. Новые медиа доступны практически из любой точки мира, где есть интернет-соединение.

Материалы и методы исследований

Перед началом работы с новыми медиа важно разработать стратегию присутствия, определив цели, целевую аудиторию и наиболее подходящие каналы. Это поможет сфокусироваться и эффективно распределить ресурсы.

Проведенный анализ сравнения ключевых характеристик новых и традиционных медиа в эпоху цифровых технологий позволяет сделать следующие выводы [6]:

Юдина Е.Ю. пишет, что «Новые медиа обладают рядом существенных преимуществ перед традиционными медиа, таких как интерактивность, мультимедийность, персонализация, гибкость, точное таргетирование и подробная измеримость [4].

С учетом цифровизации экономической, социальной и политической жизни эти характеристики обеспечивают новым медиа более эффективные инструменты взаимодействия с аудиторией, удовлетворяя ее запросы в информации и предоставляя персонализированный контент.

Традиционные медиа имеют свои сильные стороны, к которым относятся широкий охват массовой аудитории и доверие как к проверенному источнику информации. Они также могут использовать инструменты новых медиа, интегрируя в печатные издания мультимедийный материал на сайтах.

Носовец С.Г. определяет новые медиа как «те виды средств массовой информации, которые используют цифровые технологии (например, соци-

альные сети и использование Интернета). Это противоположность «старым средствам массовой информации», которые относятся к традиционным формам средств массовой информации, таким как печатные СМИ (например, газеты и журналы), телевидение и радио» [1].

Цифровые медиа выступают как фактор культурной глобализации при этом потенциальная аудитория у них намного больше, чем у традиционных форм средств массовой информации.

Новые медиа как средства массовой информации включают (но не ограничиваются):

– Социальные сети, такие как Одноклассники, ВК, и т. д. Социальные сети могут выступать в качестве инфоповода для новостного сюжета или обсуждения контента. Главная особенность социальной сети наличие обратной связи, так аудитория может не только потреблять контент как в традиционных средствах массовой информации но и обмениваться информацией.

– Поточковая передача видео- и аудиофайлов, включая коммерческие фильмы и музыку, а также пользовательский медиаконтент (например, видео на Рутуб). Новые медиа позволяют аудитории настроить тематику видео контента и решать время и место получения информации.

– Цифровое/спутниковое и «умное» телевидение замещает традиционную подачу телеканалов по ветке вещания, так как пользователь может самостоятельно настроить подписку на определенные каналы и программы..

– Приложения для мобильных телефонов и планшетов включают в себя формы программного обеспечения, которые позволяют людям, группам и компаниям соединяться и обмениваться информацией, такой как фотографии и текст.

Исследовательский центр Pew Research Center отмечает, что «некоторые традиционные средства массовой информации сегодня существуют в новых форматах (например, веб-сайты газет часто используют мультимедийные подходы к новостям, а не просто онлайн-версии печатных статей); телевизоры стали «умными»; цифровое радио предоставляет дополнительные возможности для взаимодействия и как видеть, так и слышать; Электронные книги могут иметь веб-ссылки или другие функции, которые делают их чем-то большим, чем просто экранная версия печатной страницы» [9].

Медиатренды последних лет отмечают, что «одно устройство можно использовать для доступа к широкому спектру носителей. Например, мобильный телефон можно использовать для про-

смотря фильмов и видео, прослушивания музыки, доступа к социальным сетям, чтения книг, чтения газет, доступа к веб-сайтам и т.д.» [7].

Результаты и обсуждения

Методология применения новых и традиционных медиа существенно различается.

Ильичева М.В. отмечает, что «новые медиа требуют более гибкого, динамичного и технологичного подхода, включающего использование социальных сетей, платформ для видео и аудио, мобильных приложений, алгоритмического таргетирования и подробной аналитики. Традиционные медиа, в свою очередь, опираются на более структурированные и планируемые методы, такие как печатные издания, телевизионные и радиопередачи, размещение рекламы в СМИ и массовые рассылки» [6].

Ключевым фактором успеха в современных медиаландшафтах по результатам опроса потребителей является интеграция и гармоничное сочетание новых и традиционных медиа.

Стратегия новых медиа должна совмещать использование преимуществ обоих типов медиа, что позволит увеличить охват и подеривать коммуникации с аудиторией.

Таким образом, новые медиа предоставляют больше возможностей для интерактивности, персонализации и измеряемости, в то время как традиционные медиа сохраняют свои сильные стороны в виде устоявшихся форматов и методов взаимодействия с аудиторией.

Все медиа-агентства имеют одну общую цель и задачу. То есть продвигать и обслуживать интересы своих клиентов посредством таргетированной рекламы, маркетинга и рекламных кампаний на конкретной медиа-платформе, за которую платит клиент.

В этом отношении как традиционные агентства, так и агентства социальных сетей работают над повышением привлекательности бренда своих клиентов и помогают увеличить продажи своих продуктов и услуг на выбранных маркетинговых и рекламных платформах.

Помимо общих черт, существует немало различий между традиционными медиа-агентствами и агентствами социальных сетей. Одно очень очевидное отличие состоит в том, что традиционные медиа-агентства используют и создают свои рекламные и маркетинговые кампании для своих клиентов на избранных носителях и каналах: радио, телевидении, газетах, журналах, рекламных щитах и рекламных щитах.

Агентства социальных сетей, с другой стороны, используют исключительно подход онлайн-маркетинга и брендинга, при котором основное вни-

мание уделяется исключительно привлечению трафика для своих клиентов в социальных сетях и каналах социальных сетей.

Для компаний и предприятий, стремящихся продавать и продвигать свои продукты и услуги, традиционный подход к маркетингу/рекламе через печатные или электронные средства (ТВ), используемый традиционными медиа-агентствами, может быть более дорогим.

Кроме того, отдача от инвестиций часто требует более длительного периода разработки, и ее сложно точно измерить. И наоборот, маркетинг в социальных сетях, осуществляемый агентствами социальных сетей, предлагает более быстрый, надежный и экономически эффективный способ продвижения бизнеса.

Важность маркетинга в социальных сетях заключается в том, что агентства социальных сетей могут точно показать и рассказать своим клиентам об эффективности и результативности их рекламных или маркетинговых расходов. Но может ли кто-нибудь узнать, сколько людей читали или видели определенные маркетинговые или рекламные сообщения в газете или даже включали радио или телевизор, чтобы услышать или посмотреть конкретную кампанию?

В современных условиях, можно измерить маркетинг в социальных сетях и узнать, сколько раз кто-то перешел по ссылке и просмотрел маркетинговое сообщение. Кроме того, можно точно узнать, сколько раз кто-то посещал страницы веб-сайта вашей компании и делился ли какой-либо посетитель вашего веб-сайта каким-либо контентом с другими.

Еще одна уникальная особенность маркетинга в социальных сетях заключается в том, что он позволяет изменять или редактировать маркетинговое сообщение или кампанию, если возникнет такая необходимость. Однако гибкость во внесении исправлений и изменений в ваше сообщение невозможна после его публикации в печати. По своей гибкости маркетинг в социальных сетях превосходит традиционный медиа-маркетинг с точки зрения интерактивности и взаимодействия с целевой аудиторией.

Рассмотрим конкретные практические ситуации.

Кейс 1: Вирусный маркетинг в социальных сетях Вирусный маркетинг в социальных сетях позволяет добиться быстрого распространения контента среди пользователей благодаря высокой вовлеченности аудитории. Особенно эффективен такой подход, если создаваемый контент является развлекательным, интересным или полезным для целевой аудитории. Эффективность вирусного

маркетинга можно измерить через метрики вовлеченности, охвата и конверсии. Методология применения вирусного маркетинга в социальных сетях включает в себя несколько шагов. Первым шагом является создание оригинального, провокационного, эмоционального или развлекательного контента, способного заинтересовать и вовлечь пользователей. Далее контент размещается в социальных сетях с использованием релевантных хэштегов для повышения видимости. Важно также привлекать к распространению контента лидеров мнений, блогеров и инфлюенсеров, что поможет значительно увеличить охват. Для стимулирования репостов и вирусного распространения контента можно запускать различные конкурсы, марафоны и другие активности. На протяжении всей кампании важно осуществлять мониторинг и анализ ключевых метрик, чтобы оперативно корректировать стратегию и обеспечивать максимальную эффективность.

Доля цифровой рекламы в последние годы довольно заметно выросла в общем рекламном пироге, который, как ожидается, вырастет до рупий. 75 952 кроп растет при совокупном годовом темпе роста (CAGR) 10,9%.

Для предприятий, компаний, маркетологов и брендов появление и распространение Интернета открыло новое измерение и плоскость деятельности для ведения бизнеса и коммерции. Ведение и ведение бизнеса на физическом уровне накладывает различные ограничения реального мира.

Однако Интернет открыл огромный виртуальный мир с, казалось бы, безграничными возможностями. Сегодня бизнес можно вести более плодотворно, более продуктивно, более эффективно и с меньшими затратами, а также более прибыльно через Интернет, чем через традиционный и физический способ.

Кейс 2: Омниканальная стратегия в digital-маркетинге

Применение омниканальной стратегии в digital-маркетинге позволяет создать единое пользовательское путешествие между онлайн- и офлайн-каналами, обеспечивая синхронизацию данных и персонализацию коммуникаций на всех этапах воронки. Это, в свою очередь, дает возможность измерить эффективность различных каналов и оптимизировать стратегию. Методология внедрения омниканальной стратегии включает в себя несколько ключевых этапов. Первым шагом является анализ существующих каналов коммуникации с потребителями, чтобы понять, как они взаимодействуют с брендом. Далее разрабатываются пользовательские сценарии и карта клиентского пути, отражающие единое взаимодействие между он-

лайн- и офлайн-каналами. Для реализации омниканальности внедряются необходимые технологии, обеспечивающие сквозную аналитику и персонализацию коммуникаций. На следующем этапе происходит интеграция онлайн- и офлайн-каналов с синхронизацией данных. Заключительным шагом является постоянное тестирование и оптимизация коммуникаций на основе полученных метрик.

Заглядывая в будущее агентств социальных сетей, можно с уверенностью предположить, что их перспективы не могли быть более многообещающими. Мир Интернета станет во много раз больше, более распространенным, мощным и влиятельным. Одновременно с этим поставщики услуг и решений для различных существующих и развивающихся интернет-ниш, в том числе предлагаемых агентствами социальных сетей, будут расти и процветать в разы.

Одно из главных преимуществ новых медиа – возможность взаимодействия с аудиторией. Важно своевременно отвечать на комментарии, поощрять обратную связь и вовлекать пользователей в диалог. Это поможет укрепить лояльность аудитории и создать сообщество вокруг вашего бренда или контента. Новые медиа предоставляют богатые возможности для сбора и анализа данных об аудитории, ее предпочтениях и взаимодействии с контентом. Использование аналитических инструментов позволит оптимизировать стратегию и контент для достижения максимальной эффективности.

Кейс 3: Применение технологий виртуальной и дополненной реальности

Использование технологий виртуальной и дополненной реальности (AR/VR) в маркетинге позволяет повысить вовлеченность и эмоциональную связь пользователей с брендом, создавая для них уникальный пользовательский опыт. Кроме того, такие технологии дают возможность сбора данных о поведении и взаимодействии пользователей, что можно использовать для дальнейшей оптимизации.

Методология применения AR/VR технологий в маркетинге начинается с определения четких целей и задач, которые необходимо достичь с помощью данных инструментов. Далее разрабатывается концепция и прототипируются пользовательские сценарии взаимодействия. На основе этого создается контент и интерактивные элементы для AR/VR-приложений. Важным шагом является интеграция AR/VR-решений с другими маркетинговыми каналами и платформами для достижения синергетического эффекта.

Завершающим этапом является измерение эффективности и оптимизация кампании на основе

полученной аналитики. Ключевым моментом в успешном применении новых медиа является создание качественного и увлекательного контента, который будет привлекать и удерживать аудиторию. Необходимо использовать различные форматы, регулярно обновлять контент и учитывать предпочтения целевой аудитории[6].

Для достижения наилучших результатов новые медиа следует интегрировать с другими каналами коммуникации и маркетинга, такими как традиционные СМИ, электронная почта, мероприятия и реклама. Это обеспечит последовательность и усилит общий посыл. С постоянным развитием технологий, таких как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, а также распространением Интернета вещей, новые медиа будут продолжать эволюционировать. Ожидается, что в будущем они станут еще более интерактив-

ными, персонализированными и погружающими пользователя в контент.

Выводы

Новые медиа играют ключевую роль в эпоху цифровых технологий, предоставляя новые способы потребления и распространения контента, а также взаимодействия с аудиторией. Их характеристики, такие как интерактивность, мультимедийность, персонализация и доступность, обеспечивают богатый опыт для пользователей. Применение новых медиа требует тщательно продуманной стратегии, создания привлекательного контента, взаимодействия с аудиторией, использования аналитики и интеграции с другими каналами. В будущем новые медиа будут только развиваться, открывая новые возможности для вовлечения аудитории и распространения информации.

Список источников

1. Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39 – 47.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.06.2020) // Российская газета (федеральный выпуск). 29.07.2006; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2020)
3. Журналист. Медиалогия: рейтинг самых цитируемых СМИ за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlst.ru/medialogia-19> (дата обращения: 01.10.2020)
4. Юдина Е.Ю. Кто победит в медиаспоре: цифра или слово // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. Т. 2. № 12. С. 16 – 22.
5. Шамшурин Д.А. Цифровые медиа как фактор культурной глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6 (72). URL: <https://research-journal.org/archive/6-72-2018-june/cifrovye-media-kak-faktor-kulturnoj-globalizacii> (дата обращения: 16.05.2024)
6. Ильичева М.В. Новые медиа в цифровой реальности // Социально-политические науки. 2021. №1. С. 19 – 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-v-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 16.05.2024)
7. Медиа тренды: Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова на события в СМИ № 1 (87) 7 февраля 2022. https://www.journ.msu.ru/downloads/2022/MediaTrends_87.pdf(дата обращения: 16.05.2024)
8. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры. <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>(дата обращения: 16.05.2024)
9. Исследовательский центр Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/>(дата обращения: 16.05.2024)
10. Результаты опроса потребителей. <https://www.thedrum.com/topics/adobe-0>(дата обращения: 16.05.2024)

References

1. Nosovets S.G. New media: towards a definition of the concept. Communicative studies. 2016. No. 4 (10). P. 39 – 47.
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" (as amended on June 8, 2020). Rossiyskaya Gazeta (federal issue). July 29, 2006; SPS "Consultant-Plus" (date of access: October 1, 2020)
3. Journalist. Medialogy: rating of the most cited media for 2019 [Electronic resource]. URL: <https://jrnlst.ru/medialogia-19> (date of access: October 1, 2020)
4. Yudina E.Yu. Who Will Win the Media Dispute: Number or Word. Sign: Problem Field of Media Education. 2013. Vol. 2. No. 12. Pp. 16 – 22.

5. Shamshurin D.A. Digital Media as a Factor in Cultural Globalization. International Research Journal. 2018. No. 6 (72). URL: <https://research-journal.org/archive/6-72-2018-june/cifrovye-media-kak-faktor-kulturnoj-globalizacii> (date accessed: 16.05.2024)
6. Ilyicheva M.V. New Media in Digital Reality. Social and Political Sciences. 2021. No. 1. P. 19 – 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-v-tsifrovoy-realnosti> (date of access: 16.05.2024)
7. Media Trends: Expert view of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University on events in the media No. 1 (87) February 7, 2022. https://www.journ.msu.ru/downloads/2022/MediaTrends_87.pdf (date of access: 16.05.2024)
8. Global Digital 2022: the annual report on the Internet and social networks has been released – the main figures. <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>(date of access: 05/16/2024)
9. Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/>(date of access: 05/16/2024)
10. Results of the consumer survey. <https://www.thedrum.com/topics/adobe-0>(date of access: 05/16/2024)

Информация об авторе

Кадхим Хайдер Гхалиб, Казанский (Приволжский) федеральный университет, me@ghalib.ru

© Кадхим Хайдер Гхалиб, 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.44

Возможности и перспективы лингвистического моделирования терминосистемы научной дипломатии

¹ *Левенкова А.Ю.,*

¹ *Тюменский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматривается возможность лингвистического моделирования терминосистемы научной дипломатии и определяются основные методы ее формирования. Актуальность данного исследования заключается в том, что научная дипломатия как зарождающееся направление, ранее не подвергавшееся лингвистическому анализу, нуждается в установлении понятийных границ, описании и систематизации ее терминологического наполнения. Цель исследования заключается в описании возможных подходов в моделировании терминосистемы научной дипломатии с учетом новой антропоцентричной парадигмы формирования знания. Для достижения поставленной цели были проанализированы имеющиеся материалы по научной дипломатии, выявлены признаки системности терминологии данного направления, а также определены основные способы лингвистического моделирования терминосистемы. В результате исследования было установлено, что научная дипломатия, являясь мультидисциплинарным направлением, не представлена в сфере фиксации и не имеет четкого понятийного аппарата. Имеющееся на сегодняшний день терминологическое наполнение обладает функциональной системностью и обусловлено социальными тенденциями. Данные признаки и ограничения, а также новая парадигма формирования знания позволили определить способ моделирования терминосистемы научной дипломатии в социо-когнитивном ключе и выделить основные аспекты терминологической работы в этом направлении.

Ключевые слова: научная дипломатия, терминосистема, лингвистическое моделирование, социо-когнитивный подход, антропоцентричная парадигма, функциональная системность

Для цитирования: Левенкова А.Ю. Возможности и перспективы лингвистического моделирования терминосистемы научной дипломатии // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 26 – 31.

Поступила в редакцию: 11 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Possibilities and prospects for linguistic modeling of the science diplomacy terminology system

¹ *Levenkova A. Yu.,*

¹ *University of Tyumen*

Abstract: the article discusses the possibility of linguistic modeling of the science diplomacy terminology and determines the main methods and techniques of its formation. The relevance of this study lies in the fact that science diplomacy being an emerging science, which has not previously been subjected to linguistic analysis, needs to establish its conceptual boundaries, describe and systematize its terminological content. The aim of the study is to describe possible approaches to modeling the terminology system of science diplomacy, taking into account the new anthropocentric paradigm of knowledge formation. With this aim in mind, we analyzed the available materials on science diplomacy, identified the signs of consistency in the terminology in question, and defined the main methods of its linguistic modeling. As a result of the study, it was found that science diplomacy, being a multidisciplinary science, is not represented in dictionaries and databases, and does not have a clear conceptual framework. The currently available terminological content has a functional consistency and is conditioned by social

trends. These features and limitations, as well as a new paradigm of knowledge formation, made it possible to determine the method of modeling the terminology system of science diplomacy within the social and cognitive approach, and to identify the main aspects of terminological work in this direction.

Keywords: science diplomacy, terminology system, linguistic modeling, social and cognitive approach, anthropocentric paradigm, functional consistency

For citation: Levenkova A.Yu. Possibilities and prospects for linguistic modeling of the science diplomacy terminology system. *Philological Bulletin*. 2024. 3 (3). P. 26 – 31.

The article was submitted: June 11, 2024; Approved after reviewing: August 10, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Социокультурные вызовы современности привлекают все большее внимание со стороны научных кругов и общественности. Поиск решений не всегда укладывается в рамки традиционной модели порождения и передачи знания, в которой знание зачастую определяется академическим сообществом и характеризуется иерархичностью, однородностью и узкоспециальной направленностью. Новая модель гетерогенна по природе, вовлекает разнообразные источники знания, подвержена изменениям, не следует заранее определенной системе организации знания и показывает, как социальные практики отражаются на участниках социального взаимодействия [5, с.46]. Именно в рамках такой антропоцентричной модели зародилось и в настоящее время набирает обороты направление научной дипломатии (НД). В данной статье мы рассмотрим возможности и перспективы лингвистического моделирования терминосистемы НД в свете новой парадигмы формирования научного знания. Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

1. Проанализировать имеющиеся материалы по НД и определить степень сформированности понятийной области этого направления.
2. Выявить системные признаки у терминологии НД.
3. Определить метод лингвистического описания терминологии НД, исходя из антропоцентричной парадигмы формирования научного знания.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили научные доклады, аналитические статьи и обзоры по научной дипломатии, а также положения Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации и Мадридской декларации (2019г). Теоретико-методологическую базу исследования составили работы отечественных авторов в области философии науки и когнитивного

терминоведения. Основным методом исследования является индуктивное моделирование, позволяющее на основе имеющегося лингвистического материала сделать выводы о способах его описания и о возможности конструирования терминосистемы.

Результаты и обсуждения

Научная дипломатия как практическая деятельность берет свое начало с момента формализации системного взаимодействия научных организаций на международном уровне и ассоциируется с появлением в 1899 году Международной ассоциации академий (МАО, англ. International Association of Academies). Но современный концепт, возникший в связи с геополитическими изменениями и увеличением степени глобальной напряженности, далеко выходит за рамки международного научного сотрудничества. Деятельность НД не ограничивается только научными интересами, а также призвана служить достижению дипломатических целей [15]. Более детальное определение можно найти в Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) Российской Федерации [14]. Согласно концепции, разработанной Министерством науки и высшего образования РФ и одобренной решением правительства РФ от 08.02.2019, научная дипломатия – особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учётом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами. Несмотря на сложность понятийного поля НД и ее междисциплинарный характер, в настоящее время в академических кругах предпринимается попытка представить концептуальную модель НД. За

основу ученые принимают определение, выработанное в 2010 году совместно Лондонским королевским обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки (AAAS) [13] и в соответствии с которым выделяют три измерения НД: наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии. Наряду с основными тремя измерениями НД наделяют прагматическим потенциалом и очерчивают три вектора деятельности: действия, направленные на непосредственное продвижение национальных потребностей; действия, направленные на трансграничные интересы; действия, направленные на удовлетворение глобальных потребностей и вызовов [12]. Положения Мадридской декларации о научной дипломатии 2019 также включаются в общую концепцию НД и представляют собой принципы, необходимые для развития НД по всему миру: ценность для граждан, методологическое разнообразие, очевидное воздействие, фактические данные, сотрудничество и вовлечение, наращивание потенциала, независимость науки [11, с. 96-97].

Научная дипломатия в России как отдельная дисциплина со своим предметом исследования и методологией только начинает складываться. Среди российских ученых нет четкого представления о том, что представляет собой предметное поле НД. Теоретические исследования, которые позволили бы оценить количественные и качественные показатели взаимодействия науки и дипломатии в России и, соответственно, определиться с понятийным аппаратом НД, находятся на начальной стадии [7, с. 14]. Не утихают дискуссии по поводу определения инструментария НД: ученые предлагают разнообразные проекты по реализации программы НД. [4, 6, 8]. Сложность с институализацией данного направления заключается в полиморфности исследуемого научного знания, которая отчасти сопряжена с контекстуальностью. НД как международная активность направлена на решение конкретных задач, которые определяются государственной политикой. В связи с этим, понятийное поле НД постоянно подвержено изменениям, которые продиктованы изменениями в политике государства. Тем не менее, общепринятое определение на российском законодательном уровне, границы деятельности и основные принципы, принятые мировым научным сообществом, а также активная публикационная деятельность (более 500 публикаций в российском репозитории «eLibrary» только за 2024 год) могут

служить предпосылками становления научной области НД с ее терминологическим аппаратом.

Терминология НД на сегодняшний день не представлена в сфере фиксации (государственные стандарты, словари, справочники, базы данных) и, соответственно, основным источником пополнения терминологии может быть только сфера речи (научные публикации, аналитические статьи и обзоры). На данном этапе терминология НД лишь приобретает системные признаки по мере того, как формируется понятийное поле этой области знания. Говорить о терминосистеме НД как о структуре, создаваемой на основе связей всех ее элементов, слишком рано в силу ее несоответствия формальным критериям структурированности, целостности, связности, относительной устойчивости [9, с. 120-121]. Но если рассматривать специальные тексты как сферу функционирования лексических единиц, объединенных тематически, то терминология НД приобретает признаки системности благодаря своему «ареалу». На разделение двух типов систем указывает Н.В. Виноградова, взяв за основу классификацию известного российского системолога В.Н. Садовского [3]. Исследователь выделяет суммативный (механистический) и функциональный (динамический) типы. Механистическими являются системы, качество которых равно сумме свойств ее элементов, взятых отдельно друг от друга и способных существовать автономно. Динамические системы предполагают целостное взаимодействие всех элементов системы в процессе ее функционирования. В соответствии с данной классификацией, подчеркивает ученый, терминология, как совокупность терминов определенной области знания, является механистической системой и выполняет чисто номинативную функцию, не затрагивая сферу употребления. Таким образом, терминология становится терминосистемой в том случае, когда появляются условия, необходимые для ее функционирования. При лингвистическом описании терминологии вопрос системности приобретает особое значение, поскольку позволяет выявить взаимосвязи между терминами, их иерархию и функциональные роли в рамках определённой области знания. Это способствует более глубокому пониманию предметной области, а также упрощает процесс обучения и коммуникации между специалистами.

Существует еще одна точка зрения, согласно которой терминология системно организована в соответствии с системными связями той отрасли науки, которую она обслуживает. Как справедливо

отмечает Л.В. Базарова, ракурс исследования системности может изменяться, в зависимости от того, на какие конституирующие признаки термина (логические, семантические, словообразовательные, стилистические) опирается ученый, что обусловлено самой природой терминологических единиц [2, с. 101]. Процессы формирования терминосистем имеют свои отличительные особенности и напрямую связаны с предметно-областью в рамках которой происходит терминологизация понятий. Научная дипломатия – это сложный конструкт, который включает понятия из многих областей: дипломатия, политика, образование, международные отношения, экология и охрана окружающей среды, здравоохранение, энергетика, сельское хозяйство, информационные технологии, космос, технологии безопасности. И это далеко не весь перечень аспектной деятельности НД. Понятийное поле НД будет постоянно меняться в зависимости от новых задач, стратегий и вызовов современного мира. Мультидисциплинарность и подвижность системы НД диктует свои условия и методы ее описания и упорядочения. Наиболее перспективным в этом направлении видится исследование терминологии НД в социо-когнитивном ключе.

В современном терминоведении, получившем статус когнитивной науки, понятие термина и терминосистемы приобретает особый смысл благодаря интегрированному подходу к изучению объектов и явлений действительности. В свете современного понимания термина как сложной, многоаспектной единицы специального знания проблема системности терминологии и конструирования терминосистемы должна получить комплексное рассмотрение. Основываясь на этом, Алексеева Л.М. и Василенко Д.В. отмечают, что признаки системности термина можно выявить при исследовании деятельности человека в процессе создания нового знания [1, с. 7-8]. Иными словами, системность термина – это отражение системности познавательной деятельности человека, а терминосистема – это определенным образом организованная структура отношений и связей, отражающая социальную деятельность человека как комплексный феномен, который является частью естественно развивающейся области знания. Цель терминосистемы в данном случае, подчеркивает Л.А. Манерко, – показать эти явления «гносеологически – отразить то, как понимает и представляет что-то исследователь о совокупности имеющихся терминов» [10, с. 215]. Это чрезвычайно важное наблюдение, поскольку

таким образом акцентируется не только осознанное конструирование терминосистемы (что нисколько не противоречит другим терминоведческим теориям), но и ключевая роль человека в этом процессе: кто именно – специалист-предметник или лингвист- берет на себя ответственность терминолога, и чье знание в итоге отразится в терминосистеме. Такой антропоцентричный подход особенно актуален при исследовании зарождающихся терминосистем без четких понятийных границ, какой является НД. На этапе формирования научного знания исследовательские решения имеют первостепенное значение, так как являются первым шагом к структурированию знания в бесконечном потоке информации и в условиях социальных изменений. Социо-когнитивное моделирование терминосистемы НД предполагает исследование терминологии в контексте социального взаимодействия и когнитивных процессов. Мы можем выделить несколько ключевых аспектов данного подхода. В первую очередь, это описание когнитивных процессов и социального контекста: изучение ментальных моделей, ассоциаций и категорий, которые формируются у пользователей, выявление концептуальной структуры области знания, а также социальные факторы, влияющие на восприятие и использование терминов. Кроме этого, очень важным является рассмотрение терминологии НД в рамках дискурсивного направления с целью изучения терминологии в различных контекстах, а также исследования взаимодействия между различными участниками коммуникации.

Выводы

Новая антропоцентричная парадигма формирования научного знания, о которой мы говорили ранее, во многом определяет пути и механизмы его исследования. Вполне закономерно, что методы лингвистического описания терминологии НД будут коррелировать с принципами формирования научной области НД. Такие признаки, как отсутствие сложившегося понятийного поля, функциональная системность, мультидисциплинарность, подвижность и хаотичный характер пополнения лексики, социальная обусловленность формирования терминологии, требуют исследования в рамках социо-когнитивного подхода и разработки новых концепций описания терминологических процессов, характерных для рассматриваемой области знания. С практической точки зрения моделирование терминосистемы в социо-когнитивном ключе может внести вклад в создание стандартов и рекомендаций по

использованию терминов в профессиональных и научных сообществах, занимающихся вопросами НД, а также в разработку более полных словарей и глоссариев по дипломатии. Данный подход позволит отследить изменения в терминосистеме со временем, что может быть полезно для изучения динамики развития понятийного поля

НД. Кроме этого, антропоцентричность социо-когнитивного подхода является ключом к более четкому осмыслению социальных запросов, рисков и угроз и, в свою очередь, к формированию терминосистемы более значимых понятий, что не может не сказаться на глобальной коммуникации в сфере НД.

Список источников

1. Алексеева Л.М., Василенко Д.В. Системность терминологии // Вестник Пермского университета. 2015. № 4 (32). С. 5 – 13.
2. Базарова Л.В. Анализ понятий «термин», «терминология», «терминосистема»// Совершенствование методологии и организации научных исследований в целях развития общества // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Филологические науки. 2022. С. 100 – 102.
3. Виноградова Н.В. Терминосистема немецкой электронной коммерции [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... к. филол. наук. 2003. URL: <http://cheloveknauka.com/terminosistema-nemetskoj-elektronnoy-kommertsii>
4. Гоннова С.М., Разуваева Е.Ю. Национальные системы научно-технической информации – потенциал для развития научной дипломатии в СНГ // Научно-техническая информация. 2019. Серия 1. № 12. С. 1 – 18.
5. Заботкина В.И. Социо-культурные вызовы XX-XXI веков и научная дипломатия // Вестник РФФИ. 2020. № 1 (105). С. 46 – 48. DOI 10.22204/2410-4639-2020-105-01-46-48
6. Ибрагимова К.А. Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций// Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5 (56). С. 151 – 168. DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168
7. Ильина И.Е., Маленко С.В., Васильева И.Н, Реброва Т.П. Модель реализации научной дипломатии: зарубежный и российский опыт. Управление наукой и наукометрия // Регулирование научной, образовательной и инновационной деятельности. 2021. Т. 16. № 1. С. 10 – 46.
8. Крынжина М. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов// Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 193 – 208.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Манерко Л.А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP. Сб. науч. трудов. 2009. С. 207 – 220.
11. Нугуспанов А. Научная дипломатия: роль и место в системе международных отношений // Обозреватель. Политология. 2023. № 3. С. 91 – 99 DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_91
12. Gluckman P.D., Turekian V.C., Grimes R.W., Kishi T. Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside. Science & Diplomacy. 2017. № 6 (4) URL: <http://www.sciencediplomacy.org/article/2018/pragmatic-perspective>
13. Ruffini P.B. What Is Science Diplomacy? Science and Diplomacy. Springer, Cham. 2017. P. 11 – 26.
14. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. 2019. С.19. PDF-Ñ—Ð Ð¹Ð» (minobrnauki.gov.ru)
15. The Madrid Declaration on Science Diplomacy. 2019. Vol. 1.12 Public (The Madrid Declaration on Science Diplomacy – EU Science Diplomacy (s4d4c.eu))

References

1. Alekseeva L.M., Vasilenko D.V. Systematicity of Terminology. Bulletin of Perm University. 2015. No. 4 (32). P. 5 – 13.
2. Bazarova L.V. Analysis of the concepts "term", "terminology", "terminological system". Improving the methodology and organization of scientific research for the development of society. Collection of articles of the International scientific and practical conference. Philological sciences. 2022. P. 100 – 102.
3. Vinogradova N.V. Terminological system of German e-commerce [Electronic resource]: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences. 2003. URL: <http://cheloveknauka.com/terminosistema-nemetskoj-elektronnoy-kommertsii>

4. Gonnova S.M., Razuvaeva E.Yu. National systems of scientific and technical information – potential for the development of science diplomacy in the CIS. *Scientific and technical information*. 2019. Series 1. No. 12. P. 1 – 18.
5. Zabotkina V.I. Socio-cultural challenges of the 20th-21st centuries and science diplomacy. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*. 2020. No. 1 (105). P. 46 – 48. DOI 10.22204/2410-4639-2020-105-01-46-48
6. Ibragimova K.A. Science diplomacy and EU framework programs as instruments of interaction in the field of scientific and technical progress and innovation. *Bulletin of MGIMO-University*. 2017. No. 5 (56). P. 151 – 168. DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168
7. Ilyina I.E., Malenko S.V., Vasilyeva I.N., Rebrova T.P. Model of implementation of scientific diplomacy: foreign and Russian experience. *Science management and scientometrics. Regulation of scientific, educational and innovation activities*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 10 – 46.
8. Krynzhina M. Scientific diplomacy in the interpretations of Russian specialists. *International processes*. 2018. Vol. 16. No. 4 (55). P. 193 – 208.
9. Leychik V.M. *Terminology: subject, methods, structure*. M.: LKI Publishing House, 2007. 256 p.
10. Manerko L.A. The concept of "terminological system" in modern terminology. *Modern trends in lexicology, terminology and theory of LSP. Collection of scientific works*. 2009. P. 207 – 220.
11. Nuguspanov A. Scientific diplomacy: role and place in the system of international relations. *Observer. Political science*. 2023. No. 3. Pp. 91 - 99 DOI 10.48137/2074–2975_2023_3_91
12. Gluckman P.D., Turekian V.C., Grimes R.W., Kishi T. Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside. *Science & Diplomacy*. 2017. No. 6 (4) URL: <http://www.sciencediplomacy.org/article/2018/pragmatic-perspective>
13. Ruffini P.B. *What Is Science Diplomacy?* Science and Diplomacy. Springer, Cham. 2017. P. 11 – 26.
14. The Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation. 2019. P.19. PDF-Ñ—Ð Ð¹Ð»» (minobrnauki.gov.ru)
15. The Madrid Declaration on Science Diplomacy. 2019. Vol. 1.12 Public (The Madrid Declaration on Science Diplomacy – EU Science Diplomacy (s4d4c.eu))

Информация об авторе

Левенкова А.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, a.y.levenkova@utmn.ru

© Левенкова А.Ю., 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 1751

Техника «потока сознания»: Перевод пунктуации

^{1,2} Гаспарян Л.А.,

¹ Институт литературы им. М. Абегьяна Национальной академии наук, Армения,

² Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: перевод техники «потока сознания» художественных произведений процесс многогранный, поскольку сама техника характеризуется отсутствием логической структуры повествования, представляя непрерывный поток мыслей у персонажей. Настоящее исследование проводится с целью выявить переводческие механизмы «потока сознания» в романах В. Вульф через парадигму специфики литературно-культурного трансфера в русских и армянских переводах. В этом ключе методология «культурного трансфера» фокусирует внимание на передаче пунктуаций, как одна из основных стратегий отражения техники «потока сознания». При сопоставительном анализе особое внимание уделяется не просто на результатах коммуникации и процедуре «экспорта-импорта» техники «потока сознания» с точки зрения пунктуационных особенностей, а на динамике передачи техники и готовности к ее восприятию в «принимающую» культуру.

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о значимости трансформации пунктуации техники «потока сознания» при этом не нарушая семантическое, лингво-культурологическое поле повествования перевода. На фоне отсутствия (также структурно неэквивалентных) пунктуационных элементов в армянском языке, некоторые переводчики опираются на концепцию пунктуационного сдвига. В русских переводах существенным является стратегия переводчиков: стратегии передают или формально-структурную особенность оригинала или же на смысловую.

Ключевые слова: культурный трансфер, перевод, пунктуация, техника «потока сознания», модернизм

Для цитирования: Гаспарян Л.А. Техника «потока сознания»: Перевод пунктуации // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 32 – 37.

Поступила в редакцию: 14 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

The technique of stream of consciousness: Translation of punctuation

^{1,2} Gasparyan L.A.,

¹ Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences, Armenia,

² St. Petersburg State University

Abstract: translation of the "stream of consciousness" technique in literature is a multifaceted process, since the technique itself is characterized by the absence of a logical narrative structure, representing a continuous flow of the characters inner thoughts. The study is carried out with the aim of identifying the translation mechanisms of the "stream of consciousness" in the novels of V. Woolf through the paradigm of the specificity of literary-cultural transfer in Russian and Armenian translations. In this vein, the methodology of "cultural transfer" focuses on the transfer of punctuations, as one of the main strategies of the "stream of consciousness" technique. In the comparative analysis a special attention is paid not only to the results of communication and the procedure of "export-import" of the "stream of consciousness" technique through the prism of punctuation, but also to the dynamics of the transfer of the technique and the readiness for its perception in the "receiving" culture.

The results of the microanalysis allow us to conclude that the transformation/translation of punctuation of the "stream of consciousness" technique is important, if there is not any semantic, linguo-cultural deviation. Due the absence of (as well as

nonequivalent) punctuation elements in the Armenian language, some translators based on the concept of punctuation shift. In Russian translations the translators are based on the formal-structural feature of the original or the semantic one.

Keywords: cultural transfer, translation, punctuation, "stream of consciousness" technique, modernism

For citation: Gasparyan L.A. The technique of stream of consciousness: Translation of punctuation. *Philological Bulletin*. 2024. 3 (3). P. 32 – 37.

The article was submitted: June 14, 2024; Approved after reviewing: August 13, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Исследования художественного приема «потока сознания» является на повестке дня многих теоретиков и критиков, которые внесли свой вклад в поисках верной трактовки «потока сознания». Часто понятие «потока сознания» воспринимается и ассоциируется как внутренний монолог героя, которое представляются многими классиками XIX века: Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Дюма, Стендаль et al: классическими авторами «потока сознания» считаются авторы модернисты Дж. Джойса «Улисс» (1922) и «Поминки по Финнегану» (1939), У. Фолкнера «Шум и ярость» (1929), М. Пруста «В поисках утраченного времени» (1905-1922 гг.), и творчество В. Вульф et al. Имея своеобразную текстовую структуру (отсутствие или избытие знаков препинания, реплики, аллюзий, эллипсиса и т.д.) прием «потока сознания» может представить трудности для рецепции у читателей оригинала, не говоря уже у читателя перевода. Для перевода техники необходимо адекватное и плавное отражение непрерывности «цепи», «ряда», «потока» мыслей у героя, которые характеризуются алогичностью, обрывистостью слов, фраз, выражений.

Для раскрытия ключевых моментов перевода «потока сознания» необходимо проанализировать стратегию пунктуации «потока», «ряда» мыслей и все емкость взаимозависимости слов между элементами пунктуации. Очевидно, что способы семантического дробления языковых элементов не аналогичны, соответственно переводческая характеристика «потока сознания» может иметь иную форму, что может сводить к «упорядочиванию» некоторых алогичных мыслей, или же в силу представления фрагментации внутреннего голоса в переводе внедрить пунктуационные сдвиги.

Материалы и методы исследований

Сопоставительный анализ переводов романа В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» далее будет рассмотрен как объект изучения концепции «потока сознания» в определенном литературно-культурном контексте с опорой на пунктуацию. Целью исследования выступает выявление ситуации литературного и культурного трансфера на уровне армянско-

но-русско-британского треугольника. Как заметил Мишель Эспань перевод является важным звеном для культурных взаимодействий и культурного трансфера. Однако текст оригинала проходит процесс интерпретации и ре-семантизации с опорой на контекстуальных, паратекстуальных – вступительные тексты, послесловие, аннотации и т.д. [1] (Genette 1987) и экстра-текстовых (историко-политические, культурологические, социальные) особенностей. В связи с этим «история переводов как в прямом, так и в переносном смысле является важной составляющей исследований, посвященных взаимодействию культур» [2, с. 45].

Кроме теории и метода культурного трансфера, выступают традиционные методы сопоставления, дескриптивного анализа перевода и декодирования.

Статья предлагает следующие цели:

- обозначить спектр пунктуационных вопросов, связанных с изучением специфики перевода «потока сознания» в свете парадигмы литературного и культурного трансфера;
- описать феномен репутационного фона произведений В. Вульф;
- проанализировать на конкретных примерах из романа В. Вульф главные векторы перевода «потока сознания».

Исследование базируется на анализе оригинальных художественных текстов В. Вульф, в частности «Миссис Дэллоуэй» и «Дом с привидениями» (сборник рассказов), поскольку только эти художественные работы переведены на армянский язык.

В целом русские канонические переводы творчества В. Вульф были осуществлены советскими переводчиками (Е. Суриц, Н. Васильева, Л. Беспелова, Д. Аграчева, et al), которые не только познакомили советских читателей с произведениями зарубежных авторов, но и внесли огромный практический и теоретический вклад в сфере теории перевода. Произведения Вирджинии Вульф стали переводиться на армянский язык только в начале XXI века. В советский период творчество писательницы можно было ознакомиться через русский перевод. В настоящее

время существуют три армянских переводов работ В. Вульф представлены изданиями «Дарак» (объемное эссе «Собственная комната», перевод М. Еганяна), «Дом с привидениями» (перевод М. Еганяна, 2016г.) и «Зангак» (роман «Миссис Дэллоуэй», перевод Ваге Арсена, 2021г.). На данный момент «Дарак» и «Зангак» являются весьма престижными издательскими компаниями, которые влияют на литературно-культурную атмосферу страны.

По мнению издателя «Дарак» А. Гаспаряна, армянские переводы намереваются представить читателей женщин-авторов, благодаря чему не только будет раскрыта и поднята тема женщины и ее роли в обществе, но женщина будет рассматриваться как литературный персонаж и героиня. Первая переведенная работа «Собственная комната» (объемное эссе В. Вульф), посвящается вопросу статуса женщины, ее внутреннему психологическому состоянию и взаимосвязью с обществом. Вторая книга «Дом с привидениями» (сборник рассказов), дополняет первую работу в том смысле, что через парадигму малой прозы представляется, как сама Вирджиния Вульф решает вопросы, о которых говорила в эссе «Собственная комната». Иначе говоря, первая работа связано с идеей и идеологией, вторая работа – ее реализацией через художественное творчество.

Армянский перевод романа В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» был опубликован издательством «Зангак»: яркая книга в твердом переплете, в иллюстрированной суперобложке с рисунком двух женщин с спины – молодой и среднего возраста (вероятно, это изображение миссис Дэллоуэй в пространственно-временном диапазоне, что выявляет некоторые сюжетные особенности для армянского читателя).

Результаты и обсуждения

Творчество Вирджинии Вульф представляет своеобразный мостик между социокультурной и литературной рецепции викторианской эпохи и эпохи модернизма. Но что еще важнее, будучи из высшего среднего класса В. Вульф родилась в семье, живущей в соответствии с традиционными викторианскими ценностями [3]. Писательница отказывается демонстрировать отражения реализма в художественной литературе викторианской эпохи, которому придерживались Чарльз Диккенс и Уильям Теккерей, в пользу изображения психологического мира своих персонажей через призму импрессионизма для отражения ощущений персонажей, которые они чувствуют от объективной реальности и картину мира. Опираясь на процессе социализации

человека, картина мира представляет отражение реального мира, которое несет в себе национально-культурный отпечаток. Исследование в сфере языкового отражения картины мира открывает новые горизонты в области человеческого мышления, в котором язык и ее проявления в литературе выступает не только как процесс коммуникации, но и как ключ к пониманию окружающей действительности через призму культуры [4]. Данный вид творческого мышления был близок внутреннему психологическому мировоззрению В. Вульф: более того у писательницы были тяжелые послевоенные травмы и депрессия. Психосоматическое состояние В. Вульф отражается и в ее произведениях, где писательница подвергает критике социальную систему того времени и ее пагубное влияние на психологию человека в целом. Импрессионизм в контексте произведений В. Вульф отражается через прием «потока сознания» [5].

Художественная техника модернистов «поток сознания» имеют много-векторные корни, которые связываются с классиками мировой литературы. На основе анализа литературных критиков в журнале Afisha. London отмечается, что В. Вульф была большой поклонницей русской литературы: русские классики *Достоевский*, *Чехов*, *Толстой*, *Тургенев* открыли писательнице новые литературные горизонты. Будучи писательницей, В. Вульф также писала ряд эссе относительно русской литературе, языке и стиле русских классиков («The Russian View», «Valery Brussof», «The Russian Background», «Tchehov's Questions», и др.). В статье журнала подчеркивается, что русские классики помогли В. Вульф найти концепцию романа, в котором отражается психологическая сторона человека и раскрывается тайны человеческой природы, которое до этого в британской литературе представлялось поверхностно. Искренность, духовность, глубина, сострадание русских классиков выделялось на фоне британских авторов, которые завуалировали и маскировали страдание и мучение человека. Внутренний монолог романа Ф. Достоевского, лаконичность А. Чехова, глубина души героини Л. Толстого «Анна Каренина», сцены природы с интерпретацией чувств персонажей Тургенева оказали большое влияние на создание «потока сознания», языка, стиля и поэтике присуще В. Вульф. Писательница читала и анализировала русских классиков в переводе, хотя под руководством С. Котелянского изучала русский язык, что убедительно показывает важность

взаимодействия культур через парадигму перевода [6].

Понятие «потока сознания» интерпретировалось многими учеными, однако перевод художественной техники с специальными языковыми, стилистическими, пунктуационными средствами более сложная и многогранная задача. Сама техника «потока сознания» в контексте отражает живую, динамичную «мыслительную» речь персонажа без посредничества автора (видимый или невидимый) и в случае перевода - переводчика. Анализ и сопоставления конкретных примеров оригинала и переводов способствует определению переводческих стратегий «потока сознания».

В целом, авторы художественной литературы широко используют стилистические приемы и коннотативные окраски для многогранного выявления образов, эмоции и характерные черты персонажей и т.д. [7]. Стиль В. Вулф отличается некоторыми техническими особенностями, как знаки препинания – тире, парные скобки, парантез, парцелляция, точка с запятой, и при анализе переводов романа «Миссис Дэллоуэй» выявилось неоднородное реализация отражения пунктуаций [8, 9].

В романе описан один день из жизни Клариссы Дэллоуэй – героини романа, принадлежащей к высшему кругу, стараясь сбалансировать свою внутреннюю сущность с внешним, объективным миром. Мир Клариссы Дэллоуэй состоит из бытовых и светских хлопот, таких как высокая мода, вечеринки и прием гостей, разговоры касательно общества, однако ее психологическая натура всегда в процессе поиска себя – смысла ее жизни. Стремясь к уединению в своем мире, Кларисса имеет тенденцию к самоанализу, представляя картину прошлых событий и визуализируя будущее. Весьма интересны импрессионистические моменты описания картины мира, которое выражается через «поток сознания». Так например:

But how strange, on entering the Park, the silence; the mist; the hum; the slow-swimming happy ducks; the pouched birds waddling; and who should be coming along with his back against the Government buildings, most appropriately, carrying a despatch box stamped with the Royal Arms, who but Hugh Whitbread; her old friend Hugh—the admirable Hugh!

А странно, в парке – вдруг – какая тишина; жужжанье; дымка; медленные, довольные утки; важные зобатые аисты; но кто же это шествует, выступая, как ему и положено, на фоне правительственных зданий, держа под мышкой папку

с королевским гербом, кто как не Хью Уитбред, старый друг Хью – дивный Хью!

Բայց որքան տարօրինակ էր, այդպիսի մոռնելիս. Լռություն, մշուշ, բզբզ, անշուշտ լողացող երջանիկ բադեր, փռախավերի քալածոճք, և ով է ահա մոռնելում կառավարական շենքերի ֆոնին, այդքան ներկայանալի, թափափորական կնիքով թղթամատյանակը ձեռքին, ով, եթե ոչ Հյու Ուիթբրեդը՝ իր հին ընկեր Հյուն. սրանցեղի՝ Հյուն: (Վրդջինիս Վուլֆ «Միսիս Դելոուեյ», Չանգակ հրատ., Երևան, 2021, էջ 8)

Из примеров видно, что в русском переводе сохраняются все знаки препинания характерные для техники «потока сознания». Однако анализ армянского перевода выявил пунктуационные несоответствия и несистематизированные переводческие решения, особенно в случае знаков препинания «тире» и «точка с запятой». Хотя паратекстовой (paratextual) анализ армянской версии выявил, что на первой странице переводчик подчеркнул, что знак препинания «тире» (аналогично должно быть и в случае «точка с запятой») свойственен технике потока сознания В. Вулф, и сохранение знаков препинания важна для трансфера и представления читателю «потока сознания». В армянском языке пунктуационные несоответствия с английским и русским языками вполне обоснованы: в армянском языке «точка с запятой» (;) используется редко, особенно в научных статьях, аналогичная ситуация с «тире» или с «дефисом» - эти знаки препинания встречаются либо в прямой речи, либо в словообразовании. Если переводчик решился смело вводить знаки препинания в армянский текст для сохранения, скажем, формы, то весь текст должен быть канонизирован в схожих пунктуационных решениях. Однако ситуация может измениться в случае парантеза – эта техника используется для представления внезапной мысли у героев. Как показывает теоретик Е. Андреева, русский перевод Е. Суриц, в некоторых случаях, допускает нарушения границ в силу трансформации содержательной стороны фразы. Как *And always now (why, she could not guess, except that it came probably from that woman somehow) he shrank from her – И вот (ну, разумеется, из-за жены, а то отчего бы?) теперь он к ней плохо относится* [9].

В случае перевода техники «потока сознания» адекватное представление внутреннего монолога и потока мыслей (иногда алогичных) существенное значение имеет отражение пунктуационных особенностей. Переводчик должен либо сохранить форму, либо через парадигму паратекстовой интерпретации найти альтернативное решение. В

противном случае вся концепция литературного приема становится неясной, а гладкость или плавность перевода оказывается под вопросом.

Следующий пример представляет рассказ «Дом с привидениями» (сборник рассказов). Итак.

Death was the glass; death was between us; coming to the woman first, hundreds of years ago, leaving the house, sealing all the windows; the rooms were darkened. He left it, left her, went North, went East, saw the stars turned in the Southern sky; sought the house, found it dropped beneath the Downs. "Safe, safe, safe," the pulse of the house beat gladly. "The Treasure yours."

Смерть – это стекло; смерть разделяет нас; сотни лет назад она первой увела с собой женщину, осиротила дом, наглухо завесила окна, наполнила комнаты тьмой. Он покинул дом, покинул ее, отправился на север, потом на восток, видел звезды, плывущие в южном небе; вернулся к холодному очагу у подножья холмов. «Тут, тут, тут, – радостно билось сердце дома. – Сокровище твое». (перевод Н. Васильева, 1986г.)

Смерть была стеклом; смерть стояла между нами; забрала сначала женщину, сотни лет назад, оставляя дом, запечатывая окна; погружая комнаты во тьму. Он покинул дом, покинул ее, отправился на север, на восток, видел перевернутые созвездия в южном небе, искал дом, нашел его – вернувшись. «Здесь, здесь, здесь, – радостно забило сердце дома. – Сокровище – твое». (перевод А. Попова, 2021г.)

Մահը սյու պատուհանն է: Մահը հիմա կանգնած է մեր միջև՝ բաժանելով իրարից. Հարյուրավոր տարիներ առաջ հենց ինքն առաջինն այցելեց աղջկան, որիցքեց մանկանը, անհարձ կորպեց պատուհանները, խախտեց ու մեկույթուն պիռեց տանը: Բսկ տղան լքեց տունը, լքեց աղջկան, ոտքի տակ առավ արևելքն ու արևմուտքը, վայելց հարավային երկինքը լուսավորող արծաթե աստղերի շորջալարը... ու նորից դարձավ տուն... տուն՝ լքված

ու դասարկ, բայց բրի եզրին հավերժ սպասող: «Մահ-սյու-նիր,-երջանկացած բարսխեց սիրտը տան, -քնն է գանձը»: (Վ. Վուլֆ «Ուրվակայաներով տունը», Երևան, «Գարակ», 2016, էջ 4)

Как видно из примеров, сборник рассказов «Дом с привидениями» переведены на русский язык разными авторами, которые ввели почти аналогичные пунктуационные стратегии. Разница только в первом предложении: *Death was the glass; Смерть – это стекло; Смерть была стеклом*. Вероятно, решение А. Попова (2 пример) относительно пунктуации ориентировано на форму повествования. Интересную пунктуационную палитру в армянском переводе «потока сознания» представила Маник Еганян. Поскольку применение «тире» в армянском языке имеет ограниченные свойства, дробление интонационно-смысловых и эмоциональных единиц и/или смысловые паузы представлены через парадигму многоточие. Особое внимание следует обратить на трансфер стилистических повторов – repetitions ("Safe, safe, safe; Тут, тут, тут; Здесь, здесь, здесь), которые было представлено в армянском переводе с помощью дробления слова с применением «тире» внутри ее, а не повторения: *Մահսպանիր* (русский перевод – *сохрани*) как *Մահ-սյու-նիր – со-хра-ни*.

Выводы

Рецепция и интерпретация «потока сознания» процесс сложный в силу экспрессивных, коннотативных и технических нагрузок (в частности отражения пунктуации), которые отражают языковые и культурологические аспекты человеческого сознания и мышления. Перевод техники есть взаимодействие культур оригинала и перевода, однако трансфер пунктуационных элементов отражает сенсорное дробление высказывания, что может отличаться на основе лингво-культурной рецепции языка и текста перевода. Следовательно, некоторые переводчики опираются на концепцию пунктуационного сдвига.

Список источников

1. Genette G. Seuil. Paris: Éditions du Seuil, 1987.
2. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер (пер. с французского М.Е. Балакирева и др.). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 811 с.
3. Goldman J. The Cambridge Introduction to Virginia Woolf. New York: Cambridge UP, 2006.
4. Чжао Шуан Источники оптимизма в китайском языке и культуре // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 2. С. 36 – 45.
5. Biggs, Julia. Virginia Woolf: An Inner Life. Orlando, Florida: Harcourt, 2006.
6. Коврижина Я. Живописное начало в творчестве Вирджинии Вульф // Вестник ТГПУ. 2014. № 7 (148). С. 211 – 217.
7. Черемисова Е.А. Специфика использования стилистических средств в художественном дискурсе // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 1. С. 15 – 21.
8. Коугия Л. Способы передачи «потока сознания» в синтаксисе романа Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» // Вестник КГУ. 2007. № 3. С. 231 – 234.

9. Грешных В.И., Яновская Г.В. Вирджиния Вулф: лабиринты мысли. Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2004. 145 с.

10. Андреев Е. Стратегии перевода языковых средств «потока сознания» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 7 (207). С. 44 – 50.

References

1. Genette G. *Seuils*. Paris: Éditions du Seuil, 1987.
2. Espagne M. *History of Civilizations as a Cultural Transfer* (translated from French by M.E. Balakirev et al.). Moscow: New Literary Review, 2018. 811 p.
3. Goldman J. *The Cambridge Introduction to Virginia Woolf*. New York: Cambridge UP, 2006.
4. Zhao Shuang *Sources of Optimism in the Chinese Language and Culture*. *Philological Bulletin*. 2024. Vol. 3. No. 2. Pp. 36 – 45.
5. Biggs, Julia. *Virginia Woolf: An Inner Life*. Orlando, Florida: Harcourt, 2006.
6. Kovrizhina Ya. *Picturesque Beginning in the Works of Virginia Woolf*. *Bulletin of TSPU*. 2014. No. 7 (148). P. 211 – 217.
7. Cheremisova E.A. *Specifics of the Use of Stylistic Means in Artistic Discourse*. *Philological Bulletin*. 2024. Vol. 3. No. 1. P. 15 – 21.
8. Kougia L. *Methods of Conveying the “Stream of Consciousness” in the Syntax of Virginia Woolf’s Novel “Mrs. Dalloway”*. *Bulletin of KSU*. 2007. No. 3. P. 231 – 234.
9. Greshnykh V.I., Yanovskaya G.V. *Virginia Woolf: Labyrinths of Thought*. Kaliningrad: Publishing House of the Kaliningrad State University, 2004. 145 p.
10. Andreev E. *Strategies for translating linguistic means of the “stream of consciousness”*. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2017. No. 7 (207). P. 44 – 50.

Информация об авторе

Гаспарян Л.А., кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абеяна Национальной академии наук, Армения; докторант, Санкт-Петербургский государственный университет, Luiza.gasparyan@rambler.ru, luisa.gasparyan83@gmail.com

© Гаспарян Л.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111

Теория архетипов в литературе: мифологическое понимание сознания

¹ *Намазова Лала Али гызы,*

¹ *Азербайджанский университет языков, Азербайджан*

Аннотация: в статье анализируется теория архетипов в контексте художественной литературы. Теоретические базы составляют работы отечественных и зарубежных авторов, в том числе статьи психоаналитика З.Фрейда. Цель статьи – показать главные особенности архетипов в сознании людей с точки зрения мифологемов в художественном произведении. Архетипы по-разному проявляются в культуре и литературе разных народов. Потому что уникальная история, мифология и менталитет каждого народа создают условия для возникновения иной версии общего образа. Архетипы имеют свои корни в мифологических мотивах. Таким образом, как мифологический, так и архетипический образ является отражением первых впечатлений человечества. Чтобы лучше объяснить теорию архетипов, необходимо обратиться к идеям мифологии. В науке существуют разные взгляды на миф и мифологию. По мнению ряда ученых, мифы – это вымыслы древних людей. Они заявляют, что, изучая мифы, ошибочно думать, что они имеют связь с реальностью. Мифы зародились еще в древние времена и соответствуют детскому мышлению. Другие ученые, подходя к мифам с противоположной позиции, указывают, что они не являются вымыслом и что каждый миф и мифологический мотив основаны на реальных событиях.

Ключевые слова: архетипы, литература, мифология, психология, культура, творчество, писатель

Для цитирования: Намазова Лала Али гызы Теория архетипов в литературе: мифологическое понимание сознания // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 38 – 45.

Поступила в редакцию: 20 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

The theory of archetypes in literature: the mythological understanding of consciousness

¹ *Namazova Lala Ali gyzy,*

¹ *Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan*

Abstract: the article analyzes the theory of archetypes in the context of fiction. The theoretical bases are the works of domestic and foreign authors, including articles by psychoanalyst S. Freud. The purpose of the article is to show the main features of archetypes in people's minds from the point of view of mythological themes in a work of art. Archetypes manifest themselves in different ways in the culture and literature of different peoples. Because the unique history, mythology and mentality of each nation create the conditions for the emergence of a different version of the general image. Archetypes have their roots in mythological motifs. Thus, both the mythological and the archetypal image is a reflection of the first impressions of humanity. To better explain the theory of archetypes, it is necessary to turn to the ideas of mythology. There are different views on myth and mythology in science. According to a number of scientists, myths are fictions of ancient people. They claim that when studying myths, it is a mistake to think that they have a connection with reality. Myths originated in ancient times and correspond to children's thinking. Other scientists, approaching myths from the opposite position, point out that they are not fiction and that every myth and mythological motif is based on real events.

Keywords: archetypes, literature, mythology, psychology, culture, creativity, writer

For citation: Namazova Lala Ali gyzy The theory of archetypes in literature: the mythological understanding of consciousness. Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 38 – 45.

The article was submitted: June 20, 2024; Approved after reviewing: August 17, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

В литературоведении в разные периоды использовались разные концепции и методы изучения литературы. Начиная с XX века психоанализ широко применяется при изучении литературы, и это направление актуально и сегодня. З. Фрейд впервые назвал психоанализ процедурой исследования процессов, которые нельзя изучить никаким другим способом. Во-вторых, он рассматривал «метод лечения невротических расстройств» и, наконец, «постепенное накопление научных новшеств посредством психоанализа, объема психической информации». Другими словами, Фрейд интерпретировал свое учение как психологическое исследование, метод лечения и мировоззрение [7].

З. Фрейд также подходил к литературному творчеству с психоаналитических позиций. Он отождествлял фантазию со сном, а поэта с мечтателем, а поэтическое творчество считал сном наяву. «Сильное актуальное переживание пробуждает в поэте воспоминание о прежнем, большей частью детству принадлежащем переживании, породившем желание, которое может быть реализовано только в поэтическом вымысле; само произведение явственно обнаруживает эти слои – свежего повода и старого воспоминания» [15, с. 165].

Одной из основных концепций, выдвинутых Фрейдом, является Эдипов комплекс. Согласно «Царю Эдипу» древнегреческого писателя Софокла, Эдипу волею судьбы было приказано убить отца и жениться на матери. Хоть Эдип и пытается уйти от этой судьбы, написанное судьбой сбывается. По мнению Фрейда, Эдипов комплекс полностью отражен в трех произведениях – «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Описание одной и той же темы – быть отцеубийцей в трех произведениях, считающихся шедеврами для всех эпох мировой литературы, невозможно объяснить простым совпадением. Во всех трёх произведениях раскрывается мотив действия: битва за женщину [14].

Материалы и методы исследований

Этой проблеме посвящено множество работ. В ходе исследования были использованы материалы Национальной библиотеки Азербайджана, сделаны выводы на основе их анализа. В статье исполь-

зован метод лингвокультурологического анализа, сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

С древних времен объяснением мифов занимались многие исследователи. Они пытались раскрыть смысл мифа, доказать, что мифические герои и события являются условными знаками и символами. Древнегреческие философы, пытавшиеся объяснить мифы, не считали миф истинным и надежным источником. Они считали, что мифы придуманы каким-то конкретным автором с определенной целью. Однако прежде чем перейти к объяснению мифов, мы считаем целесообразным привести информацию о понятии мифологического сознания.

Мифологическое сознание есть продукт общественно-исторического развития. К. Маркс показал, что (мифологическое) сознание с самого начала является общественным продуктом, пока существуют люди, оно будет оставаться таким продуктом [3]. В мифологическом мышлении центральное место занимает формирование первобытных «религиозных» представлений, связывавших древних людей с их миром, а мифологическое сознание характеризуется стабилизацией религиозно-мифологических структур и превращением их в управляющую силу первобытного общества. В мифологическом сознании страх сменился определенными верованиями и культами, религиозными церемониями и ритуалами [8].

Одной из характеристик мифологического сознания является синкретизм. Если хаосу свойственен бессистемный, смешанный способ понимания мира, то синкретизм регулирует это мировоззрение и создает исчерпанную форму. Обычно под синкретизмом понимают нераздельность, слияние, характерное для первой стадии развития чего-либо. В мифах также невозможно отделить природу от охоты, церемонию от ритуала, поэзию от прозы, время от пространства. Поскольку этапы развития мифологического сознания находятся в определенном времени и периоде, боги, тотемы, культы, верования и т.п. созданы им. Каждый из них – продукт сознания, созревший в разное время. Формирование мифологического сознания после первобытного мышления в основном

совпадает с началом трансформации картины древнего мира от хаотичной структуры к гармоничной структуре – порядку, систематичности, равновесию [8].

Противоположности существовали и при жизни первобытного человека. Добро – зло, жизнь – смерть, сильное – слабое, свет – тьма и т.д. жили в его памяти как первые конфликты. Позднее в созданных им мифах они были представлены как противоположные полюса этого мифологического мировоззрения. Поначалу ему удалось понять процессы, происходящие во Вселенной, не такими, какие они есть, а запутанно. Однако эту путаницу следует рассматривать не как обычный беспорядок, а как определенную степень и меру хаоса. Можно понять, что хаос – это материальная основа вещей, которые образуются в некой неразберихе. Хаос – греческое слово, которое буквально означает «зевание». Это также означает бесконечное пространство. Хаос можно понимать и в смысле «космической пустоты». Прежде всего следует отметить, что хаос – это первая форма восприятия мифологического мышления. В Древней Греции хаос понимался двояко: во-первых, это физическая пустота, пустая или чем-то заполненная; а во-вторых, живое существо, как основа земной жизни. По мнению Еврипида, под хаосом понимается пространство между небом и землей. Хаос объясняется в «Мифологическом словаре» так: «...хаос – это место, вмещающее в себя целое. Если бы оно не стояло на основе целого, ни земля, ни вода, ни стихии, ни весь космос не могли бы быть созданы» [2].

Как видно из мифа, внутренняя логика хаоса характеризуется двумя качествами: 1) разрушать; 2) создать. Эти качества взаимодействуют друг с другом и участвуют в формировании Вселенной. Поскольку возникла двойственность мифологической природы, невозможно было представить мир в хаосе. Также мифологическое мышление вышло из своего первоначального состояния и превратилось в более простую форму мышления.

Особое значение в регулировании социальной жизни людей первобытного общества имела мифология. Люди визуализировали свои мысли и считали свою жизнь зависимой от сверхъестественных сил и думали, что они были правы в своих первоначальных идеях. Поэтому мы не считаем мифологический образ жизни древних людей отдельным от мифологических сил, мы считаем также и систему мышления, рожденную под его влиянием, результатом практической деятельности. Конечно, когда люди создают свою мифологию, они не представляют ее в сухой

схематической форме. Используя художественную силу слова, он придает величие создаваемым им образам. Чтобы сделать эти образы более яркими, наглядными и художественно эффектными, по возможности используются художественные выражения. Причем этот процесс не только в период создания образа, но и в последующие периоды, вытекая из материала нового художественного мышления, раскрывает мифолого-внутренний мир образа. Мы считаем, что в мифологическом творчестве художественность проявляется в двух направлениях:

1. Поэтика мифологического сознания, рожденная в результате дальнейшего развития мифологического мышления. Это может показаться несколько спорным. Какими художественными качествами может обладать мифологическое сознание? Человек пытался понять мир своей художественной фантазией. В его глазах солнце – огненное колесо, молнию он представлял себе небесной змеей, а облако – гигантской птицей. Таким образом, в этом понимании человек извлек пользу из силы мифологической метафоры. Поэтика мифологического сознания относится к поэтическим качествам, которые формируются в сознании до тех пор, пока сформированные в мышлении первоначальные идеи не отшлифовываются и не превращаются в культы и верования.

2. Поэтика находит свое поэтическое решение в мифотворчестве, которое есть высшая форма мифологического сознания. Здесь следует особо отметить роль художественного сознания. В мифотворчестве художественность есть красота формы мифа, а затем она впитывается в его содержание. Здесь используются средства художественной выразительности – аллегория, метафора, параллели, сравнение, и писатели умело используют их в своих произведениях.

В произведениях мифологические образы представлены как некая реальность в материализованном виде. Особенно в произведениях Дж. Д. Саллинджера, когда художественные образы понимаются в переносном смысле, не выражены метафорами и аллегориями, поэтому мифы всегда воспринимаются как чудесные, фантастические и волшебные. В мифах нет религиозных символов, в религии есть вера в Всевышнего Творца, на основе этой веры (веры в Бога) формируется мир и религиозная жизнь, она включает в себя быт, нравственность, интересы, обычаи, таинственные чудеса и культы. В мифе все ощущается. Поскольку человек не отделил себя от природы, все есть так, как он это видит. Леви Страусс в

своих «Мифологических исследованиях» говорит о моральных последствиях мифов, напоминающих «первобытную логику», и отмечает, что мораль первобытного племени отражает систему знаков, условных кодексов, взглядов [12, с. 108].

А.Ф. Лосев пишет, что все символы в мифе являются знаками, а все знаки не являются символами. Признаком предмета или события является их значение, не просто смысл, а выражение одушевленного, персонифицированного, художественно отраженного субстрата (воспитывающей среды), воспринимаемых предметов и событий. Поэтому, как не все слова являются знаками, так и не все знаки могут быть символами [10].

Каждый символ имеет общую структуру. Символ имеет свои принципы создания, основанные на этой общей структуре. Структура и принцип создания образуют модель символа. Взгляды великого мифолога на структуру таковы: Мы рассмотрели символ с точки зрения его смысловых элементов, но существует также понятие структуры, объединяющее эти элементы в единое целое. Логика научила нас, что по мере уменьшения содержания наблюдаемого предмета степень объема всех таких предметов также увеличивается. Если мы применим эти идеи к мифотворчеству, мы сможем увидеть роль, которую символ играет в поэтике мифа. После всех этих представлений можно сделать вывод, что в состав символа входят его значение, свойство обобщения, подчиненность какому-либо закону или закономерности, внутреннее и внешнее выражение символа, его построение, а также его структура. Знак и значение символа, выраженное словами (отфильтрованное из самого мифа), также зависят от описательно-тональных характеристик языка мифа, совместимость знака с истиной должна быть более точной. А.Ф. Лосев показывает следующие признаки знака: 1) отражательная способность; 2) осмысленность; 3) соответствие тексту; 4) обзорность; 5) функция; 6) вещи или факты как они есть; 7) восприятие содержания знака в субъективно измененном виде и т.д. [10, с.86]. Это произвольные значения, исходящие изнутри самого символа. За пределами символа существуют слои, связанные с ним самим. В основном они относятся к формам символов. Одной из таких форм является отношение символа к аллегории. Конечно, не следует понимать, что мы считаем любую аллегорию или изображение символом. Когда мы говорим об аллегорической природе символа, мы видим, что единственной характеристикой изображения является то, что животное в мифе говорит на человеческом языке.

Если животное или растение в басне говорит на человеческом языке, это можно назвать басней.

Одной из форм символа является олицетворение. Под персонификацией мы подразумеваем передачу человеческих свойств неодушевленным предметам. То есть он представляется как неодушевленный предмет. В мифах о Солнце и Луне эти объекты говорят, спят, просыпаются, как люди, и даже звезды описываются как их дети. Символ является общим. Допустим, миф также означает символ, аллегория или олицетворение, несущее индивидуальные характеристики, но приобретающее некоторую свободу. Вопрос о художественной структуре мифа напрямую связан со схематической персонификацией (расположением в какой-либо последовательности). Персонификация охватывает сам миф в целом. В аллегории художественная часть свободна, она участвует в изображении, не давая никаких напоминаний и советов. Такова, например, разговор героя с лошадью в сказке «Чил Мадян». В персонификации художественная часть не имеет свободы, эта художественность помогает эстетично воспринимать ее внутри мифа [10, с. 142].

Теперь возникает интересный вопрос. На основании изложенных представлений можно предположить, что аллегория, изображение и т.п. возникла из мифов. На каком-то этапе мифолого-художественного творчества древних людей они отделились от мифа и приняли форму художественного жанра. Мифологическое сознание сначала представляет себе продукт художественного сознания, придает ему первоначальную форму, а затем прибавляет к нему дополнительные черты, превращая его в исчерпанное событие, встречу, убеждение и т.д.

Кроме того, язык мифа включает и художественную образность. Художественная образность означает, что факты мифа отражаются в сознании и речи художественным образом, с помощью образных выражений. Это художественный символ, отраженный в сознании. Художественность, формируемая в устной речи, есть художественная образность общего символа. Художественные символы присутствуют в каждом мифе. Символизм живет внутри художественного образа, и в каждом мифе чувствуются две жизни. Первое – это общее представление о символе, а второе – принцип индивидуальности, единства, основанный на чувственных данных. То есть символика – это внутреннее свойство вещи или события, заложенное в ее природе (имманентное свойство). В мифе артистизм перемешан с его

идеальностью. Что это значит? Это скрытая для своего времени реальность, материализованная во многих мифах.

Должен ли миф или символ иметь значение на первом месте? Если рассматривать миф как первый, а если рассматривать символ как его результат, то мы далеки от сути дела. В определениях мифа он объясняется как единая неделимая (синкретическая) универсальная форма сознания, учение о способе чувства и восприятия мира эпохи, в которой он создан, и считается поэтической фикцией. Миф материален, а идея, служащая для создания мифа, нематериальна. Символ – художественное изображение явлений природы в сознании древнего человека в форме идеи.

Оценивая мифотворчество, являющееся продуктом мифологического сознания, они считают его продуктом коллективного сознания. Но мифологическое мышление – это еще и продукт коллективного сознания, потому что древние люди, владевшие этим мышлением, тоже жили коллективно. Они также освящали солнце, землю, растения, огонь, воду и животное, от которого считали свои корни. Хотя это мышление было относительно хаотичным, оно тем не менее сформировало мифологическую систему мышления. Это мышление тоже принадлежало коллективу. Определение коллектива гласит, что это группа людей, являющихся частью общества и преследующих общие цели совместных действий [3].

История каждой нации отражается в социальных и политических процессах, которые она пережила. Трудно найти в истории нацию, которая не имела бы мудрых ценностей, на которых основаны ее корни и этнонациональное мышление. Эта система ценностей помогает ему в дальнейшем развиваться духовно, занять свое место в объединениях. В чем суть этой системы ценностей? При первом контакте с миром человек сталкивается с непонятными для него природными явлениями. Первобытный человек, не понимающий, почему сверкает молния, воспринимает ее как сверхсилу, созданную какой-то божественной силой, и представляет ее в своем уме. Или же он ищет причину обильных дождей и сильных наводнений в гневе созданного им в себе водного бога, он видит это в любом его недостатке, он вынужден поклоняться ему, чтобы не повторять снова свою «ошибку». Он приносит ему жертвы и т.д. Таким образом, человек создает в себе целую систему убеждений. Он даже внушает себе, что всей его жизнью управляют его боги. В целом среда, в которой жил первобытный

человек, была такова, что при своей изначальной необычности сформировала у него отношение к самому себе. До сих пор в современной мифологии речь шла только о первых мифологических представлениях древнего человека, о том, как и каким образом он их воспринял. Есть и вторая сторона проблемы, которая не изучена. Это связано с тем, что мифологическое мировоззрение создавалось не только первобытным человеком, в этом процессе участвовал и окружающий его материальный мир, природа. Различая эти отношения, ни одному из них не следует отдавать ни малейшего предпочтения.

Когда древний человек сталкивался с чем-то, чего он никогда раньше не видел, это казалось ему чудом. Оно стало творцом фантастической связи между сознанием чуда и объектом. Он пытался воспринять своими органами чувств событие и предмет, который видел впервые, и, поскольку сознание его было простым, это чувство восприятия становилось сверхъестественным и наконец воплощалось в образах. Понимание предметов и событий в мифологическом сознании носило сущность достоверности согласно времени. Однако в ряде случаев подчеркивалось, что миф является выдумкой. А.Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» выступает против идеи о том, что миф есть вымысел, и указывает, что на миф следует смотреть не глазами какой-либо науки, религии или общества, а именно с точки зрения сам миф, с мифической точки зрения. Только тогда мы поймем истинную суть мифа: «Каким же ограниченным, даже слепым надо быть в науке, чтобы не чувствовать, что миф [конечно, с точки зрения мифического сознания] есть реальность». Это не фантастика, а относительно красочная и реальная реальность. Это необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола [6, с. 62]. Лосев называет миф «чудом». Он отвергает традиционный взгляд на чудеса, отмечая, что

- 1) чудо – это не явление божественных сил
- 2) чудо не является нарушением «законов природы».
- 3) чудо – флаг идеи вечной личности.

Чудо универсально. Чудесность везде одна и та же, только предмет ее разный. Весь мир, его составные части, все живое и неживое, есть в равной степени чудо и в равной степени миф [6, с. 78]. Миф – это чудесная личная история, переданная посредством слов.

Лосев, который с оригинальных позиций подходит к вопросу о соотношении мифа и религии, отмечает, что мифология не может существовать без религии. Однако мифология не

является религией в истинном смысле этого слова, а религия не означает мифологии. Сущность религии состоит из тайн. Мифологию можно отнести скорее к поэзии, чем к религии. Шариат – это религиозная наука, ритуалы – это религиозное поведение, а мифология – это религиозная поэзия и искусство. Миф дает описание событий, он не пытается придать им религиозное значение. Миф имеет особые, своеобразные подразделения и диалектические противоречия. Известно, что мифология является исходной формой и зародышем религии. «Однако мифологию нельзя сравнивать с искусством, приравнивая ее к религии, и нельзя противопоставлять ее религии, приравнивая ее к искусству» [6, с. 57].

Интересны также мнения Ю.Е. Голосовкера. По его мнению, «мифы, особенно древнегреческие, представляют собой проявление всей красоты, ужаса и загадок мира в образах с двойным смыслом» [9, с. 14].

Со временем люди, живущие в разных территориях, соединились. Когда ученые знакомились с мифами других народов, они обнаруживали сходные и разные мифологические мотивы и героев. По этой причине стала формироваться новая область мифологических исследований – сравнительная мифология. Хотя само создание этой науки относят к концу XVIII – началу XIX века, на самом деле сравнение мифов начинается с труда Геродота «История».

«Мы определенно можем найти аналогичные элементы даже в мифологии народов, живущих на наибольшем расстоянии друг от друга. Не принимая во внимание некоторые из этих параллелей, можно построить любой исторический сценарий, объясняющий соответствующие факты на основе других. Обилие материала и, в большинстве случаев, отсутствие источников затрудняют проверку этих установок другими экспертами. Однако невозможно не иметь ошибок и пробелов при составлении таблицы мотивов» [11, с. 25].

Следует учитывать, что исторические события, отраженные в мифах, адаптированы к законам мифологии. «Историческая истина, лежащая в основе мифа, часто искажается в «кривом зеркале» фантазии таким образом, что ученые иногда вынуждены действовать наоборот ради раскрытия первоначального смысла. Историю не восстанавливают на основе легенд, наоборот, зная историческую правду, определяют, какие ее стороны берутся за основу легенд» [11, с. 27].

Ученые сравнительной мифологии пытаются реконструировать протомифологию, сравнивая мифологии разных культур и выявляя сходства.

Одни учёные, работающие в этой области, занимаются поиском сходных признаков в мифах, другие занимаются возникновением различий. В сравнительной мифологии существуют разные подходы к мифам. Это: лингвистические, структурные, психологические. В лингвистическом подходе определяется сходство названий мифов, богов и мифологических персонажей разных народов.

Согласно структурному подходу, существуют базовые структуры, элементы которых встречаются в различных мифах. Наиболее известные представители этого подхода – В. Пропп и Клод Леви-Стросс.

Понятие архетипа тесно связано с мифологией, которая представляет собой систему исходных представлений человека. «По результатам психологов, в подсознании ничего не исчезает, оно просто продолжает жить, меняя образ. В более глубоких глубинах психики коллективное воображение проявляется яснее. В этом смысле процесс мифотворчества есть не что иное, как трансформация архетипов» [5, с. 28].

Архетипы проявляются во всех сферах сознательной деятельности человека. Это можно наблюдать во многих видах искусства, в том числе и в живописи. «Появление многочисленных стилей и направлений в XX веке связано с тем, что современные художники постоянно находятся в поиске новшеств. И на этом этапе такие великие художники, как А. Матисс, С. Дали, П. Пикассо, Дж. Мирджавадов, сумели создать произведения более глубокого содержания, используя в своем творчестве архетипические начала. Потому что архетип – это понятие, связанное с фундаментальными реакциями древнего человека, оставшимися в нашем подсознании. Художников привлекал коллективный фундамент исторического прошлого, оставшийся в памяти людей при обращении к ним. В результате художники отражают в своих работах типичные для всех людей современной культуры архетипы матери, ребенка, дома, дороги, что доказывает, что в искусстве нет преград» [1, с. 27].

Кино – это вид искусства, который переносит нас в более интересный мир, чем повседневная жизнь. Кинематография также довольно широко использует архетипы. Кино – кратчайший и наглядный путь в мир архетипов. Чтобы воскресить в кино героя и антигероя и убедить зрителя, недостаточно только мастерства сюжета и режиссёра. Здесь очень важно правильно понимать архетипические образы, существующие в подсознании человека, и уметь отразить это в кино.

Причина успеха одних фильмов и неудачи других кроется именно в сочетаемости архетипических доминант, степени правильности последовательности архетипического мотива. «Развитие игрового кинобизнеса должно было найти новые сюжеты для привлечения зрителей. Некоторые из этих сюжетов стали встречаться в древней религиозно-мистической литературе и книгах по магии. Древняя магия и мистика обычно переносились в современную жизнь [4, с. 51].

Использование мифо-архетипических сюжетов в литературе восходит к античности. Подобные сюжеты составляют основу произведений древнегреческих поэтов и драматургов. Произведения «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Теогония» Гесиода, «Прометей в цепях», «Орестея» Эсхила, «Эдип-царь», «Эдип в Колоне», «Антигона» Софокла, «Алькуста», «Ифигения в Авлиде», «Андромаха» Иллурипида являются лучшим примером этого. Позднее, в период Возрождения, интерес к архетипическим сюжетам вновь возродился.

Мифы, легенды, верования и архетипы использовались в качестве художественных инструментов в движении «магический реализм», возникшем в 20 веке. Наиболее известные представители магического реализма – А. Барикко, Г.К. Можно упомянуть Маркеса, Х. Амаду, М. Павича, М. Булгакова, Х. Мураками, С. Рушди, Ф. Кафку, Х. Л. Борхеса, Х. Кортасара.

Н.В. Гоголь, являющийся одним из представителей критического реализма, но тем не менее использующий в своих произведениях элементы магического реализма, во время работы над произведением «Вечера на хуторе близ Диканьки» неоднократно писал его родственники в письмах просят научить его русским народным верованиям и обычаям – дают подробные сведения об их традициях и обрядах [12, с. 74].

Выводы

В последние десятилетия феномен архетипов постоянно привлекает внимание исследователей. Исследователи, изучающие архетип, рассматривают его прежде всего как воплощение универсальных представлений, моделей поведения и мышления. В современное время изучение архетипов сохраняет свою актуальность. Ученые, занимающиеся изучением различных видов науки и искусства, обнаруживают, что в изучаемых ими областях проявляется ряд архетипических элементов. В связи с этим следует отметить, что архетипы более ярко проявляются в искусстве и литературе. Потому что эти области более тесно связаны с внутренним миром человека, его подсознанием. Через архетип личности общество управляет деятельностью человека, превращая его в личность, подчиняющуюся законам общества. Под давлением общества индивиду приходится играть отведенную ему роль на арене жизни, надевая определенную им маску.

Список источников

1. Azərbaycan Respublikası Mədəniyyət və Turizm nazirliyi. Təsviri və dekorativ – tətbiqi sənət məsələləri. № 1.
2. Azleks. İzahlı və ikidilli lüğətlər // <https://www.azleks.az/az/online-dictionary/mifoloji>
3. Bayramov Ə.S., Əlizadə Ə.Ə. Psixologiya. Bakı: Maarif, 1989. P. 466.
4. Əliyev R. Ədəbiyyat nəzəriyyəsi. Bakı, Mütərcim, 2008.
5. Məmmədov C. Türk mifoloji sözlüyü. Bakı, Elm, 2006.
6. Mərasimlər, adətlər, alqışlar... / Toplama, müqəddimə və qeydlər A.Nəbiyevindir. Bakı: Gənclik, 1993.
7. Psixozanaliz // http://psixologiya.net/ps_tarixi/142-freyd-v601-psixozanaliz.html
8. Zeynalov İ. Mifoloji təfəkkürün formaları // Azərbaycan təbiəti. 1994. № 1. P. 31 – 34.
9. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: «Наука», 1987.
10. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
11. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика: Избранные статьи. Воспоминания. 3-е изд. 2018. 696 с.
12. Судьбы замечательных произведений. Беседы о книгах / Под ред.С.П. Бавина. М.: Книга, 1987.
13. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
14. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Вопросы литературы. 1990. № 8.
15. Фрейд З. Поэт и фантазия // Вопросы литературы. 1990. № 8. С. 160 – 190.

References

1. Azərbaycan Respublikası Mədəniyyət və Turizm nazirliyi. Təsviri və dekorativ – tətbiqi sənət məsələləri. No. 1.
2. Azleks. İzahlı və ikidilli lüğətlər. <https://www.azleks.az/az/online-dictionary/mifoloji>
3. Bayramov Ə.S., Əlizadə Ə.Ə. Psichology. Bakı: Maarif, 1989. P. 466..

4. Əliyev R. Ədəbiyyat nəzəriyyəsi. Bakı, Mütərcim, 2008.
5. Məmmədov C. Türk mifoloji sözlüyü. Bakı, Elm, 2006.
6. Mərasimlər, adətlər, alqışlar... Toplama, müqəddimə və qeydlər A.Nəbiyevindir. Bakı: Gənclik, 1993.
7. Psixoanaliz. http://psixologiya.net/ps_tarixi/142-freyd-v601-psixoanaliz.html
8. Zeynalov İ. Mifoloji təfəkkürün formaları. Azərbaycan təbiəti. 1994. No. 1. P. 31 – 34.
9. Golosovker Ya.E. The Logic of Myth. Moscow: “Science”, 1987.
10. Losev A.F. The Problem of Symbol and Realistic Art. Moscow: Art, 1976.
11. Meletinsky E.M. Myth and Historical Poetics: Selected Articles. Memories. 3rd ed. 2018. 696 p.
12. The Fates of Remarkable Works. Conversations about Books. Ed. S.P. Bavin. Moscow: Book , 1987.
13. Tokarev S.A. Early forms of religion and their development. Moscow: Nauka, 1964.
14. Freud Z. Dostoevsky and patricide. Questions of literature. 1990. No. 8.
15. Freud Z. The Poet and Fantasy. Questions of Literature. 1990. No. 8. P. 160 – 190.

Информация об авторе

Намазова Лала Али гызы, докторант, Азербайджанский университет языков, Азербайджан

© Намазова Лала Али гызы, 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.8

Художественная специфика репрезентации идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне»

¹ Багдасарова Г.А.,

¹ Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается специфика репрезентации идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне». Цель исследования – определить основные понятия и категории данной концепции, выделить персонажный и проблемно-тематический уровни в рамках идеи русского мира писателя. Задачи исследования: выделить цивилизационные компоненты идеи русского мира Н.С. Лескова; определить термины и категории, формирующие базис идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова; обозначить оппозицию Россия – Запад.

Н.С. Лесков создаёт образ русских богатырей, заступников русского духовенства отважно служащих Родине и твердо знающих истинные ценности русского мира. Невозможно не заметить, как колоритно и ярко писатель изображает их быт, как точно воссоздают их портреты.

Пространство старгородской поповки условно делится на новый мир и старый мир. Новый мир – приходящая эпоха буржуазии, старый мир – эпоха Туберозова. Научная новизна исследования: на материале хроники системно рассмотрена идея русского мира в поэтике Н.С. Лескова, а также выделены особенности функционирования таких понятий и категорий, как «русский характер», «праведник», «русский Бог», «русская вера» в авторском тезаурусе.

Ключевые слова: русский мир, русский дух, русская душа, Н.С. Лесков, национальный характер, хроника

Для цитирования: Багдасарова Г.А. Художественная специфика репрезентации идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 46 – 50.

Поступила в редакцию: 21 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Artistic specificity of the representation of the idea of the Russian world in the chronicle of N.S. Leskov "Soboryane"

¹ Bagdasarova G.A.,

¹ North Caucasus Federal University

Abstract: the article examines the specifics of representing the idea of the Russian world in N.S. Leskov's chronicle "Soboryane". The purpose of the study is to define the main concepts and categories of this concept, to highlight the character and problem-thematic levels within the framework of the writer's idea of the Russian world. The objectives of the study: to highlight the civilizational components of N.S. Leskov's idea of the Russian world; to define the terms and categories that form the basis of the idea of the Russian world in N.S. Leskov's chronicle; to designate the opposition Russia – the West.

N.S. Leskov creates an image of Russian heroes, defenders of the Russian clergy, bravely serving the Motherland and firmly knowing the true values of the Russian world. It is impossible not to notice how colorfully and vividly the writer depicts their life, how accurately their portraits are recreated.

The space of the Old Town priest's village is conventionally divided into the new world and the old world. The new world is the coming era of the bourgeoisie, the old world is the era of Tuberozov. Scientific novelty of the study: based on the chronicle material, the idea of the Russian world in the poetics of N.S. Leskov is systematically examined, and the features of the functioning of such concepts and categories as "Russian character", "righteous person", "Russian God", "Russian faith" in the author's thesaurus are highlighted.

Keywords: Russian world, Russian spirit, Russian soul, N.S. Leskov, national character, chronicle

For citation: Bagdasarova G.A. Artistic specificity of the representation of the idea of the Russian world in the chronicle of N.S. Leskov "Soboryane". Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 46 – 50.

The article was submitted: June 21, 2024; Approved after reviewing: August 18, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в системном рассмотрении понятий и категорий, формирующих идею русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне». Это такие понятия, как русский национальный характер, русский дух, русская душа, заступничество и праведничество. Не менее важным структурным элементом в произведении выступает оппозиция Русь – Россия, раскрывающая столкновение старого мира и нового в рамках одной эпохи. Актуальным представляется выделение самой идеи русский мир как авторской мировоззренческой концепции, репрезентированной не только на уровне поэтики, но и обозначенной в цикле хроник («Старые годы в селе Плодомасове» 1868, «Соборяне» 1872, «Захудалый род» 1874).

Цели и задачи исследования состоят в выявлении и описании основных категорий и понятий идеи русского мира Н.С. Лескова на примере хроники «Соборяне», обобщении художественной концепции в рамках социально-исторического контекста. Достижение цели исследования обуславливается решением следующих задач:

1. определить структуру оппозиции Русь – Россия, старый мир – новый мир;
2. определить художественный образ заступника в рамках идеи русский мир;
3. обозначить уникальный путь России как страны с собственным культурным кодом.

В эпоху глобализации понятие «русский мир» необходимо трактовать с позиции цивилизационного подхода, подразумевающего уточнение специфики вопросов, связанных с национальной идентичностью, соотношением прошлого – настоящего – будущего, самостоятельным путём каждой цивилизации (в нашем случае России).

Проблемы, связанные со сложностью определения понятия «русский мир», стали основополагающими для написания многих научных статей в том числе таких исследователей, как С.Н. Кочеров, М.Ю. Неронова, А.В. Неронов, М.А. Волхонский, В.М. Муханов, В.А. Кравченко и др.

Так, С.Н. Кочеров, систематизируя труды других исследователей (А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский, П.Г. Полоскова, В.М. Скринник, Н.Н. Нарочницкая, В.А. Тишков), в своей работе выделяет четыре аспекта понятия «русский мир» [5, с. 163-164]:

1. понятие трактуется как геополитическая реальность;

2. русский мир осмысливается с позиции геоэкономики;

3. русский мир понимается как уникальная этнокультурная общность людей, объединённых языком, историей, ценностями (территориально проживают не только в России, но и за её пределами);

4. русский мир позиционируется как православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову.

Не менее актуальной в этом контексте является монография С.М. Алейниковой («Русский мир»: белорусский взгляд). Исследователь выделяет подходы, в рамках которых можно трактовать рассматриваемое понятие [1, с. 8]:

1. культурно-цивилизационный;
2. религиозный;
3. геополитический.

В нашей работе мы опираемся на определение, в рамках которого русский мир представляет собой единое социально-культурное пространство, сформировавшееся в период первых цивилизаций (по Н.Я. Данилевскому). Он строится на таких базовых понятиях, как русская душа/русский дух, народная религиозность, Бог, соборность, народные традиции, которые образуют культурный код государства. Рассматривать русский мир можно как на общегосударственном уровне (Россия – русский мир), так и на уровне отдельно взятого человека как носителя идеи русского мира (гражданин РФ; гражданин РФ, проживающий в другой стране).

Понятия «русский мир», функционируя в литературе, кроме культурологического контекста, учитывает и авторский замысел. Безусловно, выделенные особенности и элементы сохраняются, но изменяются философия и мировоззрение. Писатели описывают исторические эпохи, изображают жизнь народа, создавая свою цивилизацию, выделяют тем самым новый культурологический пласт.

Материалы и методы исследований

В рамках нашего исследования ведущим является принцип историзма (культурно-исторический и сравнительно-исторический методы). Принцип историзма предполагает учёт конкретно-исторических условий (ситуаций), в которых про-

исходило развитие (изменение) процесса [2, с. 7]. Также в работе используется структурно-семантический метод.

Именно такой подход позволил наиболее точно определить специфику репрезентации идеи русского мира в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» (1872 г.).

Результаты и обсуждения

Н.С. Лесков – «прозванный» гений и самобытный писатель XIX века. Многие исследователи считают его «народным певцом» (Б.М. Эйхенбаум, И.П. Видуэцкая, П.Г. Пустовойт). И это оправдано. Н.С. Лесков знал о народной жизни очень много благодаря личному опыту, ввиду чего в его произведениях быт и нравы русского народа, мировоззрение русского человека описаны и представлены очень точно, ярко и детально.

Выделяющая Н.С. Лескова широта изображения многоликой Руси предопределила специфику художественного обобщения, которое нашло отражение в его произведениях, в том числе и в «Соборянах». Обращаясь к хронике, следует отметить, что впервые в русской литературе именно в этом произведении были созданы положительные типы духовенства: «Он показал нам среди этого заброшенного, забытого, вынесшего долгие годы унижения сословия типы удивительной духовной красоты» [4, с. 76]. Протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын – праведники и подвижники не только старгородской поповки, но и всей Руси. Их заступническая деятельность, личная и общественная борьба рассматриваются Н.С. Лесковым на общепhilosophическом уровне.

Идею русского мира в хронике невозможно рассматривать подробно, не анализируя образ Савелия Туберозова. Он является наиболее ярким персонажем, чья включенность в пространство русского мира подтверждается национальным характером героя (силён духом, обладает широкой русской душой, склонен к покаянию, ценит и бережёт традиции и нравы русского народа, тоскует по своей «старой сказке»), поступками (в борьбе с новыми порядками заступает за духовенство и истинную веру, сформировавшуюся веками).

Борьба веры (Туберозова) и неверия (Термососов, Борноволков) позволяет Н.С. Лескову наиболее ярко показать сильный дух и широту русской души Туберозова, его беззаветное служение православной церкви и русскому народу. В диалоге Савелия и Туганова выражается не только основная идея, за которую боролся протоиерей, но и основное положение художественной концепции самого писателя: «Без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... Это... это сгубит

Россию» [6, с. 184]. Это заступничество за русскую веру вызывает негодование у Туганова, ввиду чего он утверждает, что время ранее непоколебимых ценностей ушло. Однако Туберозов уверен в обратном: «... прошло время не веры и идеалов, а прошло время *слов*» [6, с. 184].

Наиболее сильное сопротивление встречается в диалоге между Туберозовым и Термососым и Препотенским, в котором последний сказал: «...вера – роскошь, которая дорого обходится народу», «водка всё-таки полезнее веры» [6, с. 190]. У Туберозова это вызвало невероятно возмущение и он замечает «вера согревает лучше, чем водка, что все добрые дела наш мужик начинает помолвившись, а все худые, за которые в Сибирь ссылают, делает водки напившись» [6, с. 184]. Савелий Туберозов обречён в борьбе веры и неверия, временные пласты смещаются, аксиологический базис рушится, но протопоп продолжает бороться. Наверное, это превращается уже в борьбу с самим собой, так как в диалогах с Натальей Николаевной, он задумывается, а стоит ли продолжать начатое, заступаться за духовенство и защищать русскую церковь, не бессмысленны ли его прорывы.

Н.С. Лесков осознанно сталкивает антиподов в рамках одного культурологического пространства. Данная борьба вскрывает не менее важную оппозицию: заступников прошлого и борцов настоящего. Условно возглавляемый Туберозовым «старый мир» – Термососовым «новый мир». Протопоп оберегает и живёт в ладу со своей старой и доброй сказкой, обращаясь к карлику Николе, говорит: « – Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую пред собою вижу, с которою умереть бы хотелось» [6, с. 133]. Никола отвечает: « – А она, батюшка, она сказка-то добрая, прежде нас померла» [6, с. 133]. В этом диалоге Н.С. Лесков раскрывает причину неудачи, которую потерпит протоиерей в борьбе с Термососовым и Тугановым. Старый мир, как и старая сказка, уже изжил себя, исторические эпохи сменяют друг друга и на месте Руси старгородской построят новую Россию.

Как мы можем заметить, Н.С. Лесков не отрицает необходимости исторических изменений, однако лишь с сохранением традиций прошлого. В тексте находим: « Чуден и светел новый храм возведут на Руси, и будет в нем и светло и тепло молящимся внукам, но больно глядеть, как старые бревна без жалости рубят» [там же]. Протоиерей понимает безуспешность своих порывов, от которых всем пахнуло «скудостью», а ему – русским духом. Заканчивается этот диалог такими словами Туберозова: «О, как бы я желал умереть в мире с моею старою сказкой» [6, с. 153]. В конце хроники

мы понимаем, что со смертью Туберозова, Бенефактова и Деснищина полностью стирается старый мир, а в «старгородской поповке настало время полного обновления» [6, с. 321]. В последние минуты Туберозов, обращаясь к Захарии, говорит: «...я прощаю им мое пред всеми поругание, но то, что букву мертвую блюдя...они здесь... божие живое дело губят...» [6, с. 321]. Закончился век заступников православной церкви и духовенства, народных праведников, русских традиций и обычаев, настало время буржуазных отношений, материалистических принципов.

Новый мир строится на принципах чуждых миру старгородской поповки: «У всех строгости, а тут ничего: все позволено, всё можно, и между тем этот человек всё-таки никого не боится» [6, с. 153]. Термосесов, учитель, Борноволков не только отрицают принципы добродетели и нравственности, но и отрицательно высказываются о русском государстве: «Нет, черт возьми, чтоб еще после всего этого в этой проклятой России оставаться!» [6, с. 100]. Старая сказка завершила эпоху, а ей на смену пришло время Термосесовых, Борноволковых и др.

Целостная картина русского мира формируется не только благодаря яркому изображению трёх богатырей старгородской поповки, но и путём создания фольклорных элементов в переломные и конфликтные эпизоды. Так, в важный для Ахиллы день – Мефодия Песношского природа словно перерождается: « безгромный, тихий дождь пролил, воздух стал чист и свеж, небо очистилось, и на востоке седой сумрак начинает серебриться» [6, с. 83]. А в начале следующей главы описание природных и чудесных явлений становится ещё более фантастическим и фольклорным: « При слабом освещении, при котором появляется эта группа, в ней есть что-то фантастическое» [там же]. Посреди колонны был человек, который не был ни домовым, ни духом, но и его сложно было отнести к чему-то естественному и обыкновенному. Однако это не один человек, а «три живые, хотя и весьма оригинальные человека» [6, с. 85]. В этом эпизоде Н.С. Лесков создаёт образы героев, функционирующих на стыке реального и фантастического мира: Воин Васильевич, Комарь, Фелиси. Далее по мере развития событий мы узнаём, что Воин Васильевич – старгородский исправник, Комарь – его главный кучер, Фелиси – жена Комаря. Н.С. Лесков целенаправленно использует такие приёмы. Фольклорные элементы раскрывают многогранность идеи русского мира, которая заключается также в том, что русский человек не мыслит себя как часть реального мира, он допускает наличие внешних сил, влияния природы и духов, не

смотря на доминирование православных традиций. Так, наравне с верой в силу духовенства и православной церкви, Туберозов не отрицает в силы русского духа и его вневременную сущность. В хронике изображение мира реального и мира фантастического словно сливается, фольклорные эпизоды лаконично вливаются в повествовательную канву.

Ещё одна идея, которая отображает специфику идеи русского мира писателя : соотношение России и Запада. В хронике этот аспект не является доминирующим как, например, в повести «Левша» Н.С. Лескова, однако он позволяет наиболее полно обозначить путь России, который предложен представителями новой эпохи – уничтожить вековые исторические пласты, либо уехать. Варнава Васильевич, сожалея о том, какие с ними «делаются дела», заявил: «Нет, черт возьми, чтоб еще после всего этого в этой проклятой России оставаться» [6, с. 100]. Учитель не поддерживает приверженность традициям, уважение к предкам, он верит в науку и отрицает какие-либо нравственные нормы. Учитель очень вольно рассуждает о том, как бы в Испании или любой другой стране восприняли его поступок (завести кости для своей научной деятельности): «Я уверен, что пусть бы там кто-нибудь завел себе кости, чтобы учиться так ему этого не запретят. А тут с первого дня... моя собственная родная мать пошла ко мне приставать» [6, с. 101]. В дальнейшем она записала имрека (кости) в поминанье. Эти все действия вызывают недоумение Варнавы и он выражает его следующим образом: «Нет, черт возьми, чтоб еще после всего этого в этой проклятой России оставаться» [6, с. 100].

На примере данной ситуации мы можем увидеть, как сильно разнятся ценности представительной уходящей эпохи и нового мира.

Выводы

В предложенной статье мы попытались показать многогранность идеи русского мира. Наибольшее внимание было сконцентрировано на образе Савелия Туберозова как носителя и заступника истинных ценностей русского мира. В борьбе с новым материалистическим укладом он доказал силу русского человека и его бессмертную веру в Бога. Важную композиционную роль выполняет Демикотонова книга, которую на протяжении нескольких лет вёл Савелий Туберозов. Она подобно дневнику хранила все переживания и мысли протоиерея.

Оппозиция веры– неверия соотносится с теряющим концептуальное значение понятием соборности, включённым в лесковскую концепцию «Русского мира». Соборность представляющая

«духовную общность многих совместно живущих людей» как раз и утрачивала своё значения в период активных реформ. Не только потеря церковью своих позиций вызывала отрицательную реакцию духовенства, но разрушение феномена соборности.

Несмотря на происходящие изменения русский человек остаётся верен церкви и русскому Богу, своим традициям и уникальной культуре. Русский мир не мыслим без вышеперечисленных компонентов: «Здесь вера творит чудеса, и оттого все здесь так сильно и крепко, от вершины столетнего дуба до гриба, который ютится при его корне. Даже по-видимому совершенно умершее здесь ожи-

вает: вон тонкая сухая орешина; её опалила молонья, но на ее коже выше корня, как зеленым воском, выведен «Петров крест», и отсюда опять пойдет новая жизнь» [6, с. 103].

Русский человек выдерживает борьбу нового и старого отчасти с помощью неугаемой веры в сверхъестественное. В кризисных ситуациях проявляется особая национальная черта русского человека, которая как раз и заключается в доверчивости, наивности, детскости русского человека. Русский мир – это пространство, строящееся на представлении о реальном и нереальном, вере и неверии, России и Западе.

Список источников

1. Алейникова С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд: монография. Минск: РИВШ, 2017. 240 с.
2. Арзамаскин Ю.Н. Принцип историзма в научном исследовании // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 7 – 11.
3. Видуэцкая И. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Вопросы литературы. 1981. № 2. С. 148 – 188.
4. Говоруха-Отрок Ю. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: в 2 т. СПб: Росток, 2012. Т. 2.
5. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 163 – 167.
6. Лесков Н.С. Соборяне / Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. / Составление и общ. ред. В.Г. Базановой, Б.Я. Бухштаба, Л.Н. Груднева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. М., 1956-1958. Т. 4. 517 с.
7. Пустовойт П.Г. Созвездие неповторимых: мастерство русских классиков: курс лекций. Москва: Издательство Московского университета, 2006. 181 с.
8. Эйхенбаум Б.Н. С. Лесков (К 50-летию со дня смерти) // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 346 – 356.

References

1. Aleinikova S.M. “Russian World”: Belarusian View: Monograph. Minsk: RIVSh, 2017. 240 p.
2. Arzamaskin Yu.N. The Principle of Historicism in Scientific Research. Bulletin of the Military University. 2011. No. 3 (27). P. 7 – 11.
3. Viduetskaya I. Leskov’s Work in the Context of Russian Literature of the 19th Century. Voprosy literature. 1981. No. 2. P. 148 – 188.
4. Govorukha-Otrok Yu. What Did Russian Writers Believe? Literary Criticism and Religious-Philosophical Journalism: in 2 volumes. St. Petersburg: Rostock, 2012. Vol. 2.
5. Kocherov S.N. Russian World: The Problem of Definition. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2014. No. 5. P. 163 – 167.
6. Leskov N.S. Cathedral Communion. Leskov N.S. Collected Works: in 11 volumes. Compiled and general. edited by V.G. Bazanova, B.Ya. Bukhshtab, L.N. Grudnev, S.A. Reiser, B.M. Eichenbaum. Moscow, 1956-1958. V. 4. 517 p.
7. Pustovoit P.G. Constellation of the Inimitable: Mastery of Russian Classics: Lecture Course. Moscow: Moscow University Publishing House, 2006. 181 p.
8. Eichenbaum B.N. S. Leskov (On the 50th Anniversary of His Death). Eichenbaum B. On Prose: Collection of Articles. Compiled and prepared by. text by I. Yampolsky; Introduction by G. Byaly. L.: Art. Literature Department, Leningrad, 1969. P. 346 – 356.

Информация об авторе

Багдасарова Г.А., Северо-Кавказский федеральный университет, galya.bagdasarova@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 821.16

Обзор ранней румынской литературы (XVI в.)

¹ Меркулов Г.В., ¹ Семенова Е.А.,

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье исследуется процесс зарождения румынской литературы, её тесная связь с религиозными текстами и влиянием славянской культуры. Ввиду доминирования старославянского языка, первые рукописи на румынском языке появляются лишь в XVI веке, и большинство из них представляют собой переводы или адаптации церковных текстов. Особое внимание уделено анализу таких манускриптов, как Кодекс Стурдзана и Кодекс Тодореску, содержащих парабиблейские рукописи и богомильские тексты. Также рассматриваются основные жанры румынской литературы этого периода, включая «народные романы», астрологические тексты, такие как «громовники», «трепетники» и «рожданики», а также дидактические трактаты. Эти произведения способствовали культурному подъёму и усиливали интерес к знаниям, отражая рост общественного спроса на литературу. Особое внимание уделяется значительному влиянию славянской литературной традиции на формирование письменности и культурного наследия Румынии, выделяя её религиозные и морально-дидактические аспекты.

Ключевые слова: манускрипт, ранние тексты, румынская литература, история литературы, кодекс, народный роман, Александрия, астрологическая литература

Для цитирования: Меркулов Г.В., Семенова Е.А. Обзор ранней румынской литературы (XVI в.) // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 51 – 56.

Поступила в редакцию: 23 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Review of early Romanian literature (XVI century)

¹ Merkulov G.V., ¹ Semenova E.A.,

¹ Lomonosov Moscow State University

Abstract: the article examines the process of the origin of Romanian literature, its close connection with religious texts and the influence of Slavic culture. Due to the dominance of the Old Slavic language, the first manuscripts in Romanian appeared only in the XVI century, and most of them are translations or adaptations of church texts. Special attention is paid to the analysis of such manuscripts as the Codex Sturdzan and Codex Todorescu, containing parabiblical manuscripts and Bogomil texts. The main genres of Romanian literature of this period are also considered, including "folk novels", astrological texts such as "thunderbolts", "tremblers" and "rozhdaniki", as well as didactic treatises. These works contributed to the cultural upsurge and increased interest in knowledge, reflecting the growing public demand for literature. Special attention is paid to the significant influence of the Slavic literary tradition on the formation of writing and cultural heritage of Romania, highlighting its religious and moral-didactic aspects.

Keywords: manuscript, early texts, Romanian literature, literary history, codex, folk novel, Alexandria, astrological literature

For citation: Merkulov G.V., Semenova E.A. Review of early Romanian literature (XVI century). Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 51 – 56.

The article was submitted: June 23, 2024; Approved after reviewing: August 21, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Период зарождения румынской литературы не представляется таким же четко очерченным, как в других романских языках. До сих пор не обнаружено памятников, датируемых ранее XVI в., несмотря на то, что определенные косвенные свидетельства подтверждают, что румынский бытовал на территории современных Румынии и Молдовы и ранее. Дело в том, что старославянский язык, являясь религиозным доминантом, долгое время препятствовал возникновению литературы на румынском языке. Начиная с XIV в. на территории Румынии появляются различные манускрипты, однако все они на старославянском языке. Таким образом, мы можем говорить о критической нехватке данных для описания процессов, воздействующих на формирование и становление румынского языка.

Лишь в XVI в. появляются первые письменные свидетельства на румынском языке. Они немногочисленны, зачастую являются переводами духовной литературы, созданной на церковнославянском языке, или содержат сведения частного характера (как, например, первый документ на румынском языке – Письмо Боярина Някшу). Однако, именно эти документы критически важны исследователю в деле воссоздания процессов, формировавших румынский язык.

Некоторые сборники рукописей («кодексы») содержат в себе тексты, созданные задолго до их непосредственного появления в этих манускриптах [1, с. 44]. Например, такие сборники как: Кодекс Стурдзана, переписанный в Махачи, в период 1580-1620 гг., Кодекс Годореску, переписанный в Трансильвании в XVI в., Кодекс Марциана и Кодекс из Кохальма, переписанные в XVII в. и обнаруженные в Трансильвании.

Материалы и методы исследований

Основными материалами в данном исследовании будут являться тексты ранней румынской литературы, обнаруженные в вышеупомянутых рукописях (кодексах), а также произведения, распространенные на территории современной Румынии. Основной метод исследования – описательный.

Результаты и обсуждения

Кодекс Стурдзана (Codex Sturdzanus) – это собрание древних текстов, парабиблейских рукописей (апокрифических, житийных и апокалиптических сказаний) XVI века, составленных священником Отцом Григорием из Махачи в конце XVI – начале XVII вв. Большая часть включенных в кодекс религиозных текстов представляют собой

переводы на румынский язык, некоторые из них являются переписанными копиями более старых текстов, а другие были взяты Григорием из аналогичного собрания текстов, составленного анонимным священником в 1550 г.

Манускрипт, известный как Codex Sturdzanus, находится в Библиотеке Академии Бухареста и представляет собой книгу объемом в двести пятьдесят страниц, содержащих религиозные тексты на румынском. Все тексты написаны с использованием церковнославянского алфавита. Манускрипт содержит двадцать один текст, из которых тринадцать написано на румынском, четыре – на церковно-славянском, три – на «славяно-румынском» (тексты-билингвы) и один – на венгерском [2, с. 23]. Стоит отметить, что разделение (а впоследствии и оглавление) текстов выполнено не нами, а одним из главных исследователей данного манускрипта – Б.П. Хашдеу, который сделал это в своем исследовании под названием «Cuvente den bătrâni» [3].

Он же первым высказывает предположение, что некоторые из текстов, содержащихся в данных кодексах, были изначально созданы довольно активной в то время антиклерикальной сектой Богомилов. Богомилство, как секта, появилось в X в. в Малой Азии в результате слияния на этой территории христианства и персидских дуалистических верований. На Балканах и прилегающих им территориях наибольшего расцвета это движение достигло к XII в., тогда же начались и активные гонения богомилов.

Хашдеу предлагает следующее разделение текстов Кодекса Стурдзана:

1. Тексты из Махачи (т.е. непосредственно созданные переписчиком/ами).

2. Богомильские тексты («Călătoria Maicii Domnului la iad», «Rugăciune de alungare a dracului», и «Apocalipsul apostolului Pavel», «Cugetări la ora morții»), который Хашдеу называет оригинальным румынским богомильским текстом).

Из переписчиков, которым мы обязаны записью текстов Кодекса Стурдзана, только Отец Григорий оставил записи о своем имени и роде занятий, а также о месте и дате написания.

Например, в конце текста 1 написано следующее: «Scris în luna lui martie, 19 zile <...> în anul de la Adam 7108, de la nașterea lui Hristos 1600. Pomenește, Doamne, sufletul robului lui Dumnezeu, prezbiterul iereu Grigorie, spre iertarea păcatelor, în împărăția cerurilor» (= «Написано в марте, 19 дня,

<...> в 7108 году от рождения Адама, 1600 от Рождества Христова. Помни, Господи, душу раба Божьего старца Григория во оставление грехов в Царстве Небесном» (перевод автора)).

Похожую подпись мы видим в конце «Rugăciune de scoatere a dracului»: «Pomeniște, Doamne, sufletul robului lui Dumnezeu Grigorie, spre iertarea păcatelor, în împărăția cerurilor» (= «Помняни, Господи, душу раба Божьего Григория во оставление грехов в Царствии Небесном!» (перевод автора)).

Кодекс Тодореску (Codicele Todorescu) представляет собой сборник различных христианских текстов, датируемых XVI в., переписанных неизвестным из Ардьяла. В целом сохранился, за исключением четырех страниц в нескольких местах. Был обнаружен в начале XX в. Юлием Теодореску в Будапеште [4, с. 11]. Наравне с **Кодексом Марциана** входил в коллекцию библиофила Юлиана Марциана. Всего содержит восемнадцать текстов, многие из которых не имеют заголовка как такового, однако, есть и озаглавленные:

1. «Invățătura, întru sfînta și mare dumineca paștilor» (текст номер один).
2. «Cugetări în ora morții» (текст номер пять).
3. «Tălcovanie Evanghelie» (текст номер семь).

Остальные тексты представляют собой различные проповеди, молитвы и апокрифические легенды. Первые одиннадцать текстов написаны на румынском языке с использованием кириллического алфавита, оставшиеся семь написаны на церковнославянском.

Однако, литература XVI в. имеет и, как минимум, два **дидактических** произведения, а именно трактаты «Fiziologul» и «Floarea Darurilor». Первое представляет собой своего рода зоологический трактат, составленный в соответствии с уровнем развития зоологии в то время, т.е. это даже не столько реальный научный труд, сколько средневековый бестиарий, поэтому здесь можно найти таких существ как феникс, единорог, василиск. Этот бестиарий пронизан религиозно-морализаторскими вставками, по сути, каждое животное символизирует то или иное качество человека, определенную добродетель или порок. Данный трактат, в рамках эпохи, удовлетворял потребность людей в познании нового, поэтому некоторые исследователи причисляют этот труд к

разряду научных [1, с. 47]. «Floarea Darurilor» был написан в XIV в. неизвестным итальянским монахом и во многом напоминает «Fiziologul», с той лишь разницей, что более подробно и доступно дает определения различным добродетелям, которые описываются в трактате.

Наравне с апокрифическими сказаниями и морализаторскими трактатами, в XVI в. начинается зарождаться жанр **«народного романа»** (roman popular). Он пользуется особой популярностью у читателей, наиболее активно переводится.

Знаменитый роман «Александрия» был переведен в XVI в. Он был написан на основе устных преданий и письменных сведений об экспедициях Александра Македонского во II в. до н.э. в Египте. Оттуда распространился в Византию и далее на запад, претерпевая определенные сюжетные изменения в соответствии с регионом, в котором он переводился. Содержание и сюжет «Александрии» отличаются впечатляющим богатством и разнообразием.

Среди особенностей, присущих румынскому переводу, исследователи отмечают описания походов на Крым, Трансильванию и Валахию, кроме того, в то время как оригинальный сюжет предполагает встречу Александра со скифами, в румынской версии фигурируют татары. Известно также, что некоторые из переписчиков добавляли сведения и примечания о «Дакии» и об основании двух румынских стран, что, возможно, отражает некоторые переживания и рассуждения населения о единстве румынских земель.

Однако, сам факт такого распространения этого и подобных произведений нельзя назвать простым совпадением. Шестнадцатый век – начало культурного расцвета в Румынии, возрастающего интереса к знанию, которое стало необходимым в связи с набирающим обороты экономическим прогрессом. Многие из элементов романов пришли из фольклора, что и послужило толчком к их широкому распространению. Однако, стоит подчеркнуть: не только элементы фольклора проникали в народный роман, но и какие-то детали народного романа проникали в фольклор.

Например, некоторые исследователи отмечают следы «Александрии» в различных колыбельных [5, с. 412]:

*Aho, ho, ho;
Bucurăți-vă boieri mari, bucurăți-vă
De ăst clopotel vărsat,
Din ziua lui Sfîntul Vasile lăsat,
Precum s-a bucurat
Și Alexandru Machedon împărat.*

А также в пословицах [6, с. 78—80]:

Dar nunul cel mare
Călare pe un cal
Ca un Ducipal (= Буцефал).

Уже в это время существовала и **астрологическая литература**, которая, несмотря на официальный запрет церкви, уже тогда пользовалась огромной популярностью у читателей. Эту тягу к подобной литературе можно также объяснить стремлением людей дать объяснение различным явлениям. К этому виду литературы можно отнести **«громовники»** (gromovnicele), т.е. ничто иное, как прогноз погоды: выпадет ли дождь, будет ли тепло, наступит ли засуха и т.д. **«Рожданики»** (rojdanicele) или **«зодиаки»** являлись более мелкой формой астрологической литературы и представляли собой эквивалент современного астрологического прогноза, с той лишь разницей, что рожданик расписывал всю жизнь человека на основании его месяца рождения (см. нательные карты). И, наконец, **«трепетники»** (trepetnicele) предсказывали будущее человека исходя из различных движений и особенностей его тела.

Наставление Нягоя Басараба сыну своему Феодосию («Învățăturile lui Neagoe Basarab către fiul său Teodosie») – еще одна дидактическая работа, авторство которой приписывается большинством исследователей Нягую Басарабу. Написана к концу царствования Нягоя Басараба (1512-1521) на церковнославянском языке. Учения были переведены в XVI в. на греческий, а затем, в начале следующего века, на румынский. Первоначальная версия, сохранившаяся в единственной рукописи в Государственной библиотеке в Софии, была впервые опубликована в 1904 году русским филологом-славистом П.А. Лавровым, а затем П.П. Панайтеску (1959) и Г. Михайла (1971), греческая версия, сохранившаяся в единственном экземпляре рукопись в монастыре Дионисия на Афоне, была напечатана В. Греку (1942). Румынский перевод, сохранившийся в нескольких рукописях, впервые увидел свет в 1843 г. благодаря брату Иоанну, придворному духовнику из Бухареста, и пережил несколько изданий. Данное произведение

считается важнейшим позднесредневековым произведением юго-восточной Европы на церковнославянском языке. Например, румынский историк Д. Замфирэску называет «Наставление...»: «*великой книгой для румынской идентичности в Европе эпохи Возрождения и мировой литературе*» [7, с. 6].

До сих пор так и не удалось достоверно определить, было ли данное произведение в действительности написано Н. Басарабом, однако доказано, что сам Н. Басараб получил хорошее образование, будучи частым «гостем» Быстрицкого Монастыря и учеником патриарха Нифона [8].

«Наставление...» разделено на две части, первая часть (в виде антологии, с выдержками из многочисленных источников, преимущественно религиозных, Библии, проповедей Иоанна Златоуста и др.) предназначалась в помощь Феодосию для завершения нравственно-религиозного воспитания. Вторая часть, напротив, содержит более приземленные, светские поучения и политические советы, призванные подготовить наследника престола к делу правления (поучения о почитании бояр и холопов, пирах, приеме гонимых, ведении войн, суде и т.д.).

Выводы

Итак, румынская литература на самом раннем этапе ее развития представлена преимущественно религиозными текстами, как каноническими, так и откровенно апокрифическими. Очевидно, огромное влияние на румынскую литературу оказывает литература славянская, многие тексты эпохи являются либо переводами, либо переложениями текстов, пришедших из славянской культуры. Кроме того, в XVI в. зарождаются такие жанры как «народный роман» и астрологическая литература и сразу становятся массовыми. Также особое место занимают дидактические трактаты. Эти жанры (как религиозная литература, так и «народная») получают еще большее развитие в XVII в.

Список источников

1. Grosu M. Istorica Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană). București: Litografia și Tipografia Învățământului, 1958. 374 p.
2. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, ediție de text și indice de cuvinte. București: Editură Academiei Române, 1993. 522 p.
3. Hașdeu B.P. Cuvente den bătrâni. București: Noua Tipografie Națională C. N. Rădulescu, 1879. 766 p.
4. Drăganu N. Doua manuscripte vechi. Codicele Todorescu și Codicele Martian. București: Librariile SOCEC, Sfetea și Libraria Nationala, 1914. 255 p.

5. Candrea I.A., Densusianu O., Speranția T. Graiul nostru: Texte din toate părțile locuite de români. București: Socec & Co, 1908. P. 412 – 507.
6. Teodorescu G.D. Poesii populare române. București: Editura Minerva, 1982. 903 p.
7. Zamfirescu D. Marea carte a identității românești în Europa Renașterii și în cultura universală, вступление к *Învățăturile lui Neagoe Basarab către fiul său Theodosie*. București: Editura Roza Vânturilor, 1996. 428 p.
8. Ciobanu Ș. Neagoe Basarab. București: Editura Militară, 1986. 200 p.
9. Ciobanu Ș. Istoria literaturii române vechi, ediție îngrijită, note și prefață de D. H. Mazilu. București: Eminescu, 1989. 470 p.
10. Drăganu N. Istoria literaturii române din Transilvania de la origini până la sfârșitul secolului al XVIII-lea / Eds. Șchiau O., Pavel E. Cluj-Napoca.: Clusium, 2003. 200 p.
11. Cartoian N. Cărțile populare în literatura română. București: Editura Enciclopedică Română, 1974. 340 p.
12. Cartoian N. Istoria literaturii române vechi. Dela origini până la epoca lui Matei Basarab și Vasile Lupu. București: Fundația pentru Literatură și Artă “Regele Carol II”, 1940. 85 p.

References

1. Grosu M. Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană). București: Litografia și Tipografia *Învățămintului*, 1958. 374 p.
2. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, editie de text și indice de cuvinte. București: Editură Academiei Române, 1993. 522 p.
3. Hașdeu B.P. Cuvente den bătrâni. București: Noua Tipografie Națională C. N. Rădulescu, 1879. 766 p.
4. Draganu N. Doua manuscripte vechi. Codicele Todorescu și Codicele Martian. București: Librariile SOCEC, Sfetea și Libraria Nationala, 1914. 255 p.
5. Candrea I.A., Densusianu O., Speranția T. Graiul nostru: Texte din toate părțile locuite de români. București: Socec & Co, 1908. P. 412 – 507. 6. Teodorescu G. D. Poesii populare române. București: Editura Minerva, 1982. 903 p.
7. Zamfirescu D. Marea carte a identității românești în Europa Renașterii și în cultura universală, introduction to *Învățăturile lui Neagoe Basarab către fiul său Theodosie*. București: Editura Roza Vânturilor, 1996. 428 p.
8. Ciobanu Ș. Neagoe Basarab. București: Editura Militară, 1986. 200 p.
9. Ciobanu Ș. Istoria literaturii române vechi, ediție îngrijită, note și prefață de D. H. Mazilu. București: Eminescu, 1989. 470 p.
10. Drăganu N. Istoria literaturii române din Transilvania de la origini până la sfârșitul secolului al XVIII-lea. Eds. Șchiau O., Pavel E. Cluj-Napoca.: Clusium, 2003. 200 p.
11. Cartoian N. Cărțile populare în literatura română. București: Editura Enciclopedică Română, 1974. 340 p.
12. Cartoian N. Istoria literaturii române vechi. Dela origini până la epoca lui Matei Basarab și Vasile Lupu. București: Fundația pentru Literatură și Artă “Regele Carol II”, 1940. 85 p.

Информация об авторах

Меркулов Г.В., аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, glebmerkulov@mail.ru

Семенова Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, e.a.semenova@mail.ru

© Меркулов Г.В., Семенова Е.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2024, Том 3, № 3 / 2024, Vol. 3, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82-1/29

Черты поэтики Ли Цзиньфа (на примере стихотворения «Песня ночи»)

¹ Крашенинников А.Е., ¹ Нарбут Е.В., ¹ Щептева В.Э.,
¹ Северо-Восточный государственный университет

Аннотация: с возникновением современной китайской поэзии началась история развития множества поэтических школ, течений и направлений. Примером является китайский символизм, зародившийся в 20-е годы XX века. Данное явление – прямое следствие влияния иностранной культуры на литературу Китая. В это время творческая прослойка китайского общества, в особенности проходившая обучение в Европе, испытала сильное влияние французского символизма в лице Ш. Бодлера, А. Рембо, П. Верлена и др. Статья посвящена поэтике Ли Цзиньфа, первого китайского поэта-символиста. Актуальность темы обусловлена тем, что в отечественной науке не уделено достаточного внимания обсуждаемому вопросу. В настоящей работе анализируется одно из наиболее репрезентативных стихотворений Ли Цзиньфа «Песня ночи» (1922 г.), в котором ярко выражены все отличительные черты китайского символизма. Рассматриваются особенности восприятия творчества поэта реципиентами различных поколений, а также причины того или иного отношения. Кроме того, в статье уделяется внимание поэтическим взглядам творца. На основании анализа стихотворения были выделены наиболее характерные черты поэтики Ли Цзиньфа: неполный отказ от китайских традиций, явное влияние движения «4 мая», декадентское настроение, ярко выраженный индивидуализм и др.

Ключевые слова: современная китайская поэзия, китайский символизм, французский символизм, декаданс, модернизм, поэтика, кросс-культура

Для цитирования: Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Черты поэтики Ли Цзиньфа (на примере стихотворения «Песня ночи») // Филологический вестник. 2024. Том 3. № 3. С. 57 – 61.

Поступила в редакцию: 27 июня 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2024 г.; Принята к публикации: 28 сентября 2024 г.

Features of Li Jinfa's poetics (on the example of the poem "Song of the Night")

¹ Krasheninnikov A.E., ¹ Narbut E.V., ¹ Shchepteva V.E.,
¹ North-Eastern State University

Abstract: with the emergence of modern Chinese poetry, the history of the development of many poetic schools, trends and directions began. An example is Chinese symbolism, which originated in the 20s of the 20th century. This phenomenon is a direct consequence of the influence of foreign culture on Chinese literature. At that time, the creative stratum of Chinese society, especially those who studied in Europe, experienced a strong influence of French symbolism in the person of C. Baudelaire, A. Rimbaud, P. Verlaine and others. The article is devoted to the poetics of Li Jinfa, the first Chinese symbolist poet. The relevance of the topic is due to the fact that domestic science has not paid sufficient attention to the issue under discussion. This paper analyzes one of the most representative poems of Li Jinfa, "Song of the Night" (1922), which clearly expresses all the distinctive features of Chinese symbolism. The features of the perception of the poet's work by recipients of different generations, as well as the reasons for this or that attitude are considered. In addition, the article pays attention to the poetic views of the creator. Based on the analysis of the poem, the most characteristic features of Li Jinfa's poetics were identified: incomplete rejection of Chinese traditions, obvious influence of the May 4th movement, decadent mood, pronounced individualism, etc.

Keywords: modern Chinese poetry, Chinese symbolism, French symbolism, decadence, modernism, poetics, cross-culture

For citation: Krashennnikov A.E., Narbut E.V., Shchepteva V.E. Features of Li Jinfa's poetics (on the example of the poem "Song of the Night"). Philological Bulletin. 2024. 3 (3). P. 57 – 61.

The article was submitted: June 27, 2024; Approved after reviewing: August 25, 2024; Accepted for publication: September 28, 2024.

Введение

Китайский символизм (象征诗派), как самостоятельное течение, появился в 20-е годы XX века. Его «зарождение» совпало с движением «4 мая», когда в Китае активно создавались и продвигались новые идеи и новая культура в целом. Также, как отмечает синолог Л.Е. Черкасский [5, с. 8], возникновение в китайской поэзии явления символизма не было случайным. Оно связано с картиной безысходности, открывшейся обществу после расстрела демонстрации рабочих и студентов Шанхая 30 мая 1925 года.

Описываемый период отличается повышенным вниманием китайских авторов к иностранным культурам, идеалам, концепциям. В Китае символизм «завёз» Ли Цзиньфа (李金发; наст имя Ли Шулян (李淑良); 21.11.1900-25.12.1976), авангардный скульптор, художник и поэт. В 1919 году он отправился во Францию для изучения скульптуры, где на него оказали глубокое влияние французские символисты, в частности Шарль Бодлер, Стефан Малларме и Поль Верлен.

Личность поэта довольно известна среди литературоведов не только в Китае, но и за его пределами, в частности в России. Его считают видным представителем поэзии 30-х годов, времени творческих поисков [7]. В общем и целом, современной китайской поэзии раннего периода (движение «4 мая», 1919 г. – 1949 г.) уделено немалое внимание в исследовательских трудах зарубежных [8] [9] и отечественных [7] учёных. Что касается конкретно поэтики Ли Цзиньфа, то она не находит достаточного отражения в исследовательских работах российских сиологов, а переводы стихотворений поэта практически отсутствуют. В связи с этим тема настоящей работы довольно актуальна в рамках межкультурного взаимодействия и постоянно растущего интереса к Китаю и его культуре.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются поэтические тексты современной китайской символистской поэзии, а также труды китайских литературоведов и писателя-символиста Ли Цзиньфа. Для исследования применялись следующие методы: сравнительно-исторический анализ, стилистический анализ, изучение работ китайских и отечественных исследователей по обсуждаемому вопросу.

Результаты и обсуждения

В 1925 году Ли Цзиньфа опубликовал Первый сборник символистских стихотворений «Моросащий дождь» (《微雨》), в который вошли 99 стихотворений, написанных поэтом с 1920 по 1923 год. К наиболее репрезентативным произведениям относятся «Брошенная жена» (《弃妇》), «Нежность» (《温柔》), «Скорбь цинь» (《琴的哀》), «Песня ночи» (《夜之歌》) и др.

Отношение к творчеству поэта у реципиентов двоякое. Во-первых, это связано с труднопонимаемостью его стихотворений. Ли Цзиньфа смешивал байхуа с вэньянем, прибегал к использованию свободного стиха, составлял оригинальные синтаксические единицы и тропы, в особенности метафоры, в связи с чем стал известен как «поэтический чудак» (《诗怪》). Во-вторых, поэзия Ли Цзиньфа является попыткой отрыва от национальной культуры. Как пишет Ю. Г. Лемешко, его поэзия – «вневременная, внепространственная, ни китайская, ни французская, лишена национального лица» [4, с. 118]. Постепенно его творчество вызвало всё больше критики со стороны многих учёных, считавших его произведения голым копированием Бодлера и Верлена [6, с. 179]. Также одной из причин неприятия поэта было сильное влияние конфуцианства на китайских литераторов. Учение определило их стремления к красоте, истине и добру, в то время как Ли Цзиньфа совершал попытки эстетизации зла и уродства и сублимации их в красоту [6, с. 180], подобно Бодлеру. В своих произведениях поэт хотел выразить «тайну и печальную красоту глумящейся жизни» (《对于生命欲揶揄的神秘及悲哀的美丽》) [13, с. 231]. Помимо этого, XX век отличается централизацией в культуре образа человека, а поэтическая теория Ли Цзиньфа со своей крайней интроверсией и индивидуализмом противоречила этим социальным тенденциям. При этом критик и поэт Бай Хуа (柏桦; род. 27.01.1956) утверждает, что людям поколения Фан Цзина (方敬; 1914-1996 гг.) в молодости поэзия Ли Цзиньфа довольно нравилась, и отрицает полную вестернизацию его стихотворений [2]. По его мнению, поэт «раньше других в себе самом осуществил гармоничный синтез китайского и западного» [2].

Помимо занятия непосредственно поэтическим

творчеством Ли Цзиньфа перевёл немало стихотворений на родной язык и внёс вклад в развитие теории китайского символизма. Он сформулировал два принципа [12]: 1. Воспринимать индивидуальный внутренний мир как высшее стремление к красоте; 2. Использовать метод символов при описании субъективного мира и стремлении к «туманной красоте». Здесь ярко прослеживается влияние французского символизма, которому также присущи крайний индивидуализм и тяготение к выражению неопределённого и сложного.

Вышеупомянутые принципы нашли своё отражение в творчестве поэта. Для анализа нами было выбрано стихотворение «Песня ночи» [10], написанное Ли Цзиньфа в Дижоне в 1922 году, так как, на наш взгляд, оно является, во-первых, репрезентативным, во-вторых, довольно интересным с точки зрения поэтики.

В «Песне ночи» отражены личные эмоции и жизненный опыт автора. Сюжет произведения довольно прост: лирический герой, возлюбленный, прогуливается по городу, вспоминая о прошедшей любви и думая о будущем. Заглавие стихотворения соотнесено с содержанием стихотворения: «песня» – своего рода форма поэтического текста, «ночь» – время суток, которое «приносит» герою мысли о прошлом. Здесь ночь выступает как субъект: песня принадлежит ночи. Размышления героя отравлены страданиями и скорбью. Это становится ясно с первых строк стихотворения: «我们散步在死草上/悲愤纠缠在膝下» («Мы гуляем по мёртвой траве, /Скорбь и негодование связали нам ноги»). Мёртвая трава здесь символизирует конец отношений.

Вторым лицом, с которым будто прогуливается герой, является его бывшая возлюбленная. «Розовые воспоминания» – это воспоминания о любви. В китайской культуре её символизирует розовый цвет, который также олицетворяет романтику и женскую красоту. Эти воспоминания автор сравнивает с гниющими у дороги животными, источающими сильный смрад («粉红之记忆, /如道旁朽兽, 发出奇臭»). Они распространились по всему маленькому городу и беспокоят многочисленные «сладкие сны». Несмотря на то, что воспоминания относятся к прошлому, они всё ещё живы в памяти героя, но он не может им предаться, так как «запах», т.е. боль от них слишком сильна.

Поэт использует образ «колеса сердца» («心轮») для описания состояния своей души. Даже «под грязью» колесо не останавливается, продолжая вращение, оно оставляет лишь «тень нежности» («我已破之心轮, /永转动在泥污下。/...惟温爱之影长印著»). Душа героя изранена, и он продолжает

жить с этой болью, которую усугубляют воспоминания о прежней счастливой жизни. Возлюбленный не в состоянии выбраться из состояния отчаяния, и ему приходится терпеть муки горести вновь и вновь. При этом, если «колесо» продолжает вращаться, значит, в герое всё ещё живут тёплые чувства. В сочетании с «тенью нежности» эти строки приобретают менее печальный оттенок.

В 6 строфе автор говорит о вечности, сравнивая её с неизменным на протяжении тысячелетий лунным светом. Лирический герой считает, что в конечном итоге она сможет понять его мечты. Он обращается к вечности через луну: где бы герой не находился, луна будет отражать его тень на «бесцветном гравии» («你必把我的影儿倒映在无味之沙石上»). Это неизменное отражение начинается казаться герою «механическим и нелепым», «подчёркивающим глубокую черноту за домом», и он молится о трансцендентности, надеясь вырваться из оков жизни: всё живое вызывает у него отвращение. Также луна в китайской культуре символизирует тоску [1, с. 2]. Принимая во внимание этот факт и авторское уподобление вечности лунному свету, можно сделать вывод, что герой говорит о вечной тоске, которая будет повсюду следовать за ним. Упомянутый «бесцветный гравий» относится к восприятию сердца возлюбленного, т.е. герой, пережив эмоциональную бурю (радость, потеря любви, печаль), не воспринимает жизнь и всё окружающее, как воспринимал раньше. Строка «但这不变之反照, 衬出屋後之深黑» («Но это неизменное отражение подчёркивает глубокую черноту за домом») олицетворяет тревожное чувство героя, возникающее при постоянной тоске. Следом употреблённые поэтом прилагательные «机械» и «可笑» («механический» и «нелепый») в отношении его отражения выражают чувства героя и носят оттенок самоуничижения. Герой высмеивает себя за то, что не мог и может до сих пор отпустить прошлое.

Строки «大神! 起你的铁锚, /我烦厌诸生物之汗气» («Великий Бог!/ Подними свой якорь, /Я испытываю отвращение к испарине всего живого»), в которых выражены мольба героя о трансцендентности и его отвращение к миру, также олицетворяют его стремления к переменам. Якорь – важная для плавательного средства конструкция, необходимая для удержания его на месте. Герой просит Бога поднять якорь, т.к. он устал находится на одном месте и хочет начать движение дальше. Также якорь является символом силы и стойкости, поскольку он в состоянии выдержать сильнейшие штормы. Герой молит Бога направить все свои силы на прекращение страданий и открытие нового

жизненного пути.

Далее следуют строки «疾步之足音, / 扰乱之琴之悠扬» («Звук быстрых шагов, Нарушающий мелодичный звук цинь»). Инструмент цинь – олицетворение душевного состояния. Этот символ также использовался Ли Цзиньфа в стихотворении «Скорбь цинь» («琴的哀»). Быстрые шаги символизируют постоянные мысли, выводящие героя из душевного равновесия. Возлюбленный вспоминает: «神奇之年岁, / 我将食园中, 香草而了之» («Чудесные годы, / Я ел ваниль в саду»). Со времён древних стихотворных произведений (III в. до н. э. – III в. н. э.) ваниль – символ любви и брака [11]. Герой вспоминает о сказочном для него времени, когда он был готов обрести любовь и состариться вместе со своей возлюбленной.

В следующих двух строках раскрывается причина смены чувств героя и расставания влюблённых. Милая и романтическая девушка из «розовых воспоминаний» изменилась, став мирской и «потеряв свою душу» («彼人已失其心»). Об этом говорит сравнение героини с торговцами, с которыми она «смешалась» («在混杂在行商之背而远走»). Возлюбленная подвела героя, оставив за собой тихую ненависть: «大家辜负, / 留下静寂之仇视».

Чтобы подчеркнуть силу чувств, которую в прошлом испытывали возлюбленные, автор использует чэньюй «海誓山盟» (досл. море клянётся, гора присягает), обозначающий клятву в вечной любви, и аллюзию «溪桥人语» («разговор людей на мосту через ручей»), отсылающую на произведение Ху Ши (胡适) «Мы трое друзей — посвящается Жень Шуёну и Софии Чэнь» («我们三个朋友 – 赠任叔永与陈莎菲»), где описывается сцена встречи друзей. Ху Ши написал упомянутое стихотворение после того, как его хорошие знакомые Жень Шуённ и София Чэнь обручились, чтобы выразить свою дружбу и поздравить их со счастливым браком.

В следующей строфе душа бывшей возлюбленной уподобляется завесе, закрывающей «ужасную пещеру». Данная метафора означает потерю чистоты души, одну из причин расставания героев. Далее следует возможность альтернативы: если чистота души возлюбленной не утеряна, они могут прожить вместе обычную, ничем не примечательную жизнь, состариться и умереть в «овраге» («沟壑»), т.е. оторванном от мира, захолустном месте, подобно «бедным талантам» («落魄之豪士»). Однако это лишь гипотетическая возможность, лирический герой говорит: «但我们之躯体/既偏染硝磺» («Но наши тела/Везде окрашены селитрой»). Это можно трактовать как последствия, нанесённые возлюбленным испытанными чувствами.

Завершает стихотворение риторический вопрос: «枯老之池沼里, / 终能得一休息之藏所?» («В высохшем болоте/Смогу ли я наконец найти место для отдыха?»). Болото символизирует что-то, из чего человеку нелегко выбраться, в данном случае – любовь и последовавшую за ней тоску, т.е. сильные чувства героя. Так как для его описания использовано прилагательное «枯老» («высохший», досл. высохший и старый), оно обозначает уже прошедшие чувства. В итоге герой устал от испытываемой им душевной боли и ищет способ восстановления.

Выделим некоторые характерные черты стихотворения:

1. На протяжении всего стихотворения поэт использует слова классического языка (死草, 之, 亦, 其 и др.).
2. В стихотворении присутствует пунктуация.
3. Число иероглифов в строках, а также строк в строфах не фиксировано.
4. Практически полное отсутствие рифмы.

Резюмируя: стихотворение «Песня ночи» отличается декадентское настроение и ярко выраженный индивидуализм, что является последствием влияния французского символизма. Ли Цзиньфа использует многочисленные символы, причём как универсальные для многих культур, так и специфично китайские, а также те, интерпретировать которые можно только путём анализа художественной системы поэта. Использованные автором слова вэньяня подтверждают его неполный отказ от традиций. Пунктуация, нефиксированное число иероглифов и практически полное отсутствие рифмы – одни из последствий влияния движения «4 мая».

Выводы

Поэзия Ли Цзиньфа является показательной для китайского символизма. Его творчеству присущи все её отличительные черты [3, с. 60-61]. При этом, говоря о его лирике как составляющей современной китайской поэзии, важно отметить, что движение «4 мая» не оказало на поэта такого влияния, как на большинство литераторов.

Поэзия Ли Цзиньфа представляет интерес для исследований как в пределах непосредственно китайского символизма, так и в рамках китайской современной поэзии в целом. В связи с практически полным отсутствием в отечественной науке материала, посвящённому освещаемой в настоящей статье теме, данная область китайской поэзии требует более детального исследования. Особый интерес представляют собой символы, используемые Ли Цзиньфа, их сопоставление с символами, используемыми французскими поэтами-символистами.

Список источников

1. Аннушкин В.И., Лань Хаофан Интерпретации образов китайской классической поэзии в переводах на русский язык (на материале стихов о разлуке) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 1 – 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsii-obrazov-kitayskoy-klassicheskoy-poezii-v-perevodah-na-russkiy-yazyk-na-materiale-stihov-o-razluke> (дата обращения: 20.06.2024)
2. Декаданс и гедонизм. Интервью с Бай Хуа часть I // Стихо(т)ворье. URL: <https://versevagrant.com/2016/02/29/декаданс-и-гедонизм-интервью-с-бай-хуа/> (дата обращения: 20.06.2024)
3. Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Специфика китайского символизма 20-30-х годов XX века // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 6. С. 57 – 62.
4. Современная литература Китая / автор-сост. Ю.Г. Лемешко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. 324 с.
5. Сорок поэтов. Китайская лирика 20-40-х годов. Пер. с кит., статьи об авторах и предисл. Л. Черкасского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1978. 342 с.
6. Ху И. Особенности развития символизма в Китае // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 08/2. С. 179 – 183 URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/1f90dcea-3507-44a1-b085-eaa1f3c0b01f> (дата обращения: 20.06.2024)
7. Цыренова О.Д. Современная китайская поэзия: 1980-е годы – начало XXI века: дис. ... канд. филол. наук. 2006. М., 2006. 179 с.
8. Paul Manfredi. *Modern Poetry in China: A Visual-Verbal Dynamic*. Amherst, NY: Cambria Press. 2014. 282 p.
9. Wang D. Chinese literature from 1841 to 1937. In: Chang KS, Owen S, eds. // *The Cambridge History of Chinese Literature*. Cambridge University Press; 2010. P. 413 – 564.
10. 李金发 . 夜之歌 // Baidu 汉语 . URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=1fd6070d62e1cfe004dd08055d5d48ea> (дата обращения: 20.10.2024).
11. 诗经中香草意象 . // 百度文库 . URL: https://wenku.baidu.com/view/7b2c3b7b4593daef5ef7ba0d4a7302768f996f5e.html?_wks_=1729307662809&bdquery=香草的象征意义爱情&needWelcomeRecommand=1 (дата обращения: 20.06.2024)
12. 现代诗歌新手写作入门 V S 江湖各大门派介绍 . // 个人图书馆 360doc.com. URL: http://www.360doc.com/content/13/1120/03/13961704_330651232.shtml (дата обращения: 20.06.2024)
13. 中国现代诗歌选/艾青等著. 北京: 人民文学出版社, 2018 (2022.5 重印).

References

1. Annushkin V.I., Lan Haofan Interpretations of images of Chinese classical poetry in translations into Russian (based on poems about separation). *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2023. No. 3 (80). P. 1 – 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsii-obrazov-kitayskoy-klassicheskoy-poezii-v-perevodah-na-russkiy-yazyk-na-materiale-stihov-o-razluke> (date of access: 20.06.2024)
2. Decadence and hedonism. Interview with Bai Hua Part I. *Poetry*. URL: <https://versevagrant.com/2016/02/29/декаданс-и-гедонизм-Интервью-с-бай-хуа/> (date of access: 20.06.2024)
3. Krashennnikov A.E., Narbut E.V., Shchepeteva V.E. Specifics of Chinese Symbolism of the 20-30s of the XX century. *Bulletin of Philological Sciences*. 2024. Vol. 4. No. 6. P. 57 – 62.
4. *Modern Literature of China*. Author-compiler. Yu.G. Lemeshko. Blagoveshchensk: Publishing house of Amur State University, 2012. 324 p.
5. *Forty Poets. Chinese Lyrics of the 20-40s*. Translated from Chinese, articles about the authors and foreword. L. Cherkassky. M.: Main Editorial Board of Eastern Literature of the Nauka Publishing House, 1978. 342 p.
6. Hu Y. Features of the Development of Symbolism in China. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. Series: Humanities. 2023. No. 08/2. Pp. 179 – 183 URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/1f90dcea-3507-44a1-b085-eaa1f3c0b01f> (date of access: 20.06.2024)
7. Tsyrenova O.D. *Modern Chinese Poetry: 1980s – early 21st century: dis. ... for candidate of philological sciences*. M., 2006. 179 p.
8. Paul Manfredi. *Modern Poetry in China: A Visual-Verbal Dynamic*. Amherst, NY: Cambria Press. 2014. 282 p.
9. Wang D. Chinese literature from 1841 to 1937. In: Chang KS, Owen S, eds. *The Cambridge History of Chinese Literature*. Cambridge University Press; 2010. P. 413 – 564.
10. 李金发 . 夜之歌 Baidu 汉语 . URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=1fd6070d62e1cfe004dd08055d5d48ea> (access date: 10/20/2024).

11. 诗经中香草意象 . 百度文库 . URL: https://wenku.baidu.com/view/7b2c3b7b4593daef5ef7ba0d4a7302768f996f5e.html?_wks_=1729307662809&bdQuery=香草的象征意义爱情&needWelcomeRecommand=1 (date of access: 06/20/2024)
12. 现代诗歌新手写作入门 V S 江湖各大门派介绍 . 个人图书馆 360doc.com. URL: http://www.360doc.com/content/13/1120/03/13961704_330651232.shtml (access date: 06/20/2024)
13. 中国现代诗歌选/艾青等著. 北京: 人民文学出版社, 2018 (2022.5 重印).

Информация об авторах

Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, kroschke@yandex.ru

Нарбут Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

Щептева В.Э., Северо-Восточный государственный университет

© Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э., 2024